ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 36 (2419) | Среда, 5 мая 1948 г. | Цена 40 коп.

Печать — самое острое и самое сильное оружие нашей партии

И. СТАЛИН

День большевистской печати

Ровно тридцать шесть лет назад вышел в свет первый номер газеты «Правда», основанной товарищем Сталиным по указанию Ленина. Ярко вспыхнул неугасимый светоч большевистского печатного слова. Светом идей Ленина — Сталина оно освещало народу его пути в революционном движении, в борьбе за советский строй, в социалистическом преобразовании Родины, в битвах Великой Отечественной войны. Ныне на весь мир гремит мощный голос советской печати, донося слово большевистской правды во все уголки земного шара.

Свобода печати немыслима в условиях господства капитализма, угнетения человека человеком, в условиях, где средства печати находятся в руках кучки крупных капиталистов, использующих это мощное оружие в своих корыстных целях. «Свобода» буржуазной прессы на деле есть свобода самой беспардонной лжи и оголтелой клеветы. О какой свободе печатного слова может итти, например, речь в Соединенных Штатах Америки, где три крупнейших агентства «Ассошиэйтед пресс», «Юнайтед пресс» и «Интернэйшнл ньюс сервис», действующие по указке Уолл-стрита, установили монополистический контроль над прессой. По свидетельству самих деятелей американской печати, «фактически газеты издаются в центральных штабах банков и промышленности», а «все работники газет, начиная с мальчишки-рассыльного и до главного редактора, принадлежат к числу наемных рабочих, взятых исключительно для того, чтобы через печать выражать взгляды своих хозяев».

Рабы своих хозяев, буржуазные писаки изолгались настолько, что все менее и менее находится людей, способных им верить. Все чаще и чаще в самой буржуазной печати раздаются истерические крики, вроде: «газета на ущербе», «инфляция слова», свидетельствующие о крахе и бессилии буржуазной прессы.

Буржуазная печать достигла крайней степени разложения. Она открыто торгует совестью и убеждениями, систематически разжигает человеконенавистничество, вражду между расами и народами. Буржуазная пресса — смертельный враг общества, враг народа.

Сила советской печати в том, что, будучи вооружена великими идеями коммунизма, она неотрывна от народа, служит его интересам. Созданная партией Ленина—Сталина, она является могучим оружием воспитания масс. Ее организующая и вдохновляющая роль в жизни советского государства огромна. В нашей стране печатное слово поистине «полководец человечьей силы».

В. И. Ленин учил, что главная задача советской прессы — **воспитание масс** на живых конкретных примерах и образцах из всех областей жизни. Беспощадно выжигая все чуждое и враждебное, старательно и любовно подмечая ростки нового, передового, советская печать выступает как мощный коллективный организатор, способствующий движению нашего общества вперед. Если проследить историю всех массовых движений нашей современности, от первого коммунистического субботника на Казанской железной дороге до призыва ленинградцев выполнить новую сталинскую пятилетку в четыре года, во всей наглядности предстанет организующая роль нашей печати — проводника великих идей Ленина — Сталина, распространителя новаторского почина передовиков, пламенного агитатора и замечательного пропагандиста новых великих дел. Для советского читателя газета является зеркалом, правдиво отражающим жизнь страны, вдохновенный труд народа.

Именно поэтому праздник нашей печати — всенародный праздник. И как любой праздник в нашей стране, это не только день подведения итогов, а и широкая общественная проверка боевых сил.

Страна наша идет к коммунизму. Перед лицом огромных задач третьего решающего года послевоенной пятилетки народ требует от своих газет, журналов и издательств, от журналистов и писателей воплощения в жизнь той величественной программы идейного воспитания, которая дана в решениях Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам.

Главная задача нашей печати—коммунистическое воспитание трудящихся, преодоление пережитков капитализма в период постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Советский народ охвачен благородным порывом ускорить свое движение к коммунизму, выполнить пятилетку в четыре года. Об этом вдохновенном стремлении свидетельствуют все новые и новые трудовые подвиги на наших фабриках и заводах, дерзновенные замыслы тружеников социалистических полей. Пламенный патриотизм советского народа нашел свое яркое выражение в том под'еме, с каким в эти дни по всей стране проходит подписка на заем решающего года пятилетки. Советские люди, дружно отдавая свои средства взаймы государству, демонстрируют всему миру непреклонную волю к дальнейшему укреплению социалистической Родины.

Народ ждет от своей печати, что она окажется достойной помощницей в его новых подвигах и свершениях, что советские журналисты и писатели все силы направят на то, чтобы, поддерживая инициативу лучших, неустанно пропагандируя и распространяя опыт новаторов, сделать этот драгоценный опыт достоянием миллионов.

Перед советской печатью стоит задача борьбы за расцвет новой социалистической культуры. В этих условиях особенно важное значение приобретает литературная критика. Глубоко принципиальная литературная критика призвана блюсти интересы народа, смело и решительно поддерживать новое, свежее, передовое в литературе, защищать идейную высоту нашей литературы и искусства от любых попыток загрязнить кристальный источник социалистической культуры стоячими, гниющими водами безидейности, формализма и другими тлетворными влияниями культуры современного буржуазного Запада.

В советской стране вырос новый, культурный читатель с высокоидейными запросами и развитым вкусом. Мнение этого читателя драгоценно, его признание является лучшей наградой для советского художника. Наша печать сильна своей тесной связью с массами. Она делается не только перьями профессионалов, с ее страниц повседневно звучит голос читателя. Надо, чтобы этот голос звучал еще сильней. Смелее и шире привлекать массы читателей к обсуждению насущных вопросов культуры, к оценке новых явлений литературы и искусства—прямой долг наших художественных журналов и критико-библиографических отделов газет.

Тридцатилетний опыт существования советской литературы показывает, что у нас создались и укрепились принципиально новые взаимоотношения между периодической печатью и художественной литературой. Факты нашей героической действительности, находящие свое первое отражение на газетных полосах, впоследствии нередко становятся душой литературного творчества. Многие лучшие произведения советской литературы были результатом работы их авторов в газете, плодом огромного труда по собиранию, изучению и осмысливанию фактов повседневной жизни. Участие в газете не только почетно для писателя, оно служит великолепным стимулом для последующих обобщений, для создания произведений широкого художественного размаха, типических образов и характеров.

— Задачи советской печати, — говорил секретарь ЦК ВКП(б) тов. М. А. Суслов на совещании редакторов областных и краевых газет,—столь же многообразны, как многообразна деятельность нашей партии. Борьба за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства, за дальнейшее упрочение и развитие социализма в нашей стране, борьба за обеспечение прочного демократического мира между народами—вот те великие исторические задачи, на разрешении которых в данный момент сосредоточивается деятельность коммунистической партии и государства.

В выполнении этих задач исключительно велика и ответственна роль советской печати и в первую очередь газет, как могучего оружия партийной пропаганды и политического воспитания масс. Священная обязанность работников пера—всемерно повысить роль и значение нашей печати в общей гигантской работе по строительству коммунизма, которую ведет советский народ под руководством большевистской партии, во главе с нашим великим вождем и учителем товарищем Сталиным.

Михаил ГОЛОДНЫЙ

Чтоб крепло гордое содружество

Возьми мой вклад,
святая Родина!
Пусть сад шумит,
цветет смородина,
дела растут
необычайные,
шумят колосья
урожайные.

Пусть на полях,
где шли сражения,
в лесах
поднимутся строения,
мосты
под арками веселыми,
селенья новые
со школами.

Я по сердечному
желанию
хочу помочь
подняться зданию:
пусть светлые,
незатемненные,
растут дома
многооконные.

Ведь столько в жизни
нами пройдено!
Остаток лет моих,
о, Родина,
отдам тебе,
как юность новую,
всегда
на мирный труд
готовую.

Чтоб крепло
гордое содружество,
стояли рядом
Труд и Мужество,
в стране,
где знаменем отечества
сияет
братство Человечества!

Писатели подписываются на заем

По предварительным данным, общая сумма подписки на новый заем среди писателей Москвы достигла двух миллионов рублей.

На 65 тысяч рублей подписался А. Фадеев, на 53 тысячи — К. Симонов, на 25 тысяч — Ф. Панферов. По 20 тысяч дали взаймы государству Б. Горбатов, Л. Леонов, И. Эренбург, Т. Щепкина-Куперник.

***

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). К полудню 4 мая сумма подписки в ленинградском отделении Союза советских писателей превысила 180 тысяч рублей.

Лауреат Сталинской премии профессор Б. Мейлах подписался на 17 тысяч рублей, А. Прокофьев, В. Кетлинская, Л. Плоткин — на 15 тысяч каждый, Б. Эйхенбаум — на 11 тысяч, Ю. Герман — на 13.700, В. Друзин, Е. Шварц, В. Спиридонов дали взаймы государству по 10 тысяч рублей.

***

КИЕВ. (Наш корр.). В клубе украинских писателей состоялся митинг, посвященный выпуску Третьего государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР.

А. Корнейчук дал взаймы государству 40 тысяч рублей, Л. Первомайский — 21 тысячу, В. Василевская — 20 тысяч, П. Тычина — 19.500, М. Рыльский — 17.500 рублей.

***

КАЗАНЬ. (Наш корр.). Писатели Татарии с воодушевлением откликнулись на постановление правительства о новом займе. Подписка уже в два раза превысила общую сумму среднемесячного литературного гонорара литераторов. Ахмед Ерикеев подписался на 7 тысяч рублей, Максудов — 8 тысяч, Кави Наджми — 5.500, Ахмед Исхаков и Гумер Баширов — по 5 тысяч каждый.

В. И. ЛЕНИН, И. В. СТАЛИН и В. М. МОЛОТОВ в редакции газеты «Правда» в 1917 году. Рис. худ. П. ВАСИЛЬЕВА.

Леонид ЛЕОНОВ

ЗОЛОТОЕ ЗЕРНО

Трудно передать чувство, овладевшее мной в тот предвечерний час, когда радио передало позывные, предшествовавшие новому, важному сообщению. На память сразу пришли дни, когда вся страна замирала у репродукторов, ожидая новых радостных вестей: еще один город освобожден, еще одна вражеская армия разгромлена и уничтожена мудростью сталинской стратегии, мужеством советских воинов, мощью советской страны...

...Вот умолкли позывные, и голос диктора возвестил постановление Советского правительства о выпуске нового Займа восстановления и развития народного хозяйства. И пока читал диктор, мне представлялась огромная наша страна, в которой не найти угла, где не восстанавливалось бы, где не развивалось бы хозяйство—залог народного счастья, богатства и мощи советской державы.

Мне представились необозримые поля и неисчислимые полки машин на них, мне увиделись степные просторы, где впервые прокладываются рельсы, новые заводы, из труб которых, как первое дыхание жизни, поднимается дым, котлованы, в которые умелая рука каменщика укладывает первый кирпич.

А потом из слов министра тов. Косыгина мы узнали, что третья часть всего этого богатства, всей этой мощи, этого грандиозного строительства создается на те деньги, которые мы сейчас вносим во всенародную казну. И может быть, потому, что сейчас сообщения о подписке на заем встречаются на газетной странице с посевными сводками, мне и подписка на заем представилась благородным севом, в котором участвует весь народ.

И каким богатым и щедрым урожаем взойдет это золотое зерно, что вот сейчас вносим мы в нашу советскую землю!

Валентин КАТАЕВ

ТЕБЕ, РОДИНА!

Вдохновенным трудом восстановления охвачена наша страна. Из руин, из страшного хаоса развалин вновь встают корпуса заводов, здания электростанций, дворцы рабочих клубов, дома, больницы, школы. Все, что взорвано немецким толом, все, что сожгли фашистские факельщики, все, что разбито, уничтожено войной, мы на нашей земле возрождаем, возродим, и будет оно краше, лучше, богаче, чем было. Нелегкий это труд. И лишь одной стране он под силу, лишь одному народу по плечу—нашей стране, нашему народу.

Взгляните за рубеж. Свободой, национальной честью и независимостью, безработицей и обнищанием народов расплачивается за доллары маршаллизованная Европа. Вот почему все еще в развалинах лежит Ковентри, вот почему французский рабочий не может прожить на свой заработок, вот почему голодает итальянский народ.

Нет, не так восстанавливается и развивается наша советская страна. Мы не ждем подачек из-за океана. Сами, своими силами, своим трудом поднимаем мы мощь и богатство Родины. И на свои средства.

На те средства, что дает наша социалистическая промышленность. На те средства, что добываем мы в шахтах, нефтяных скважинах, на приисках и бескрайных наших полях. И на те, что мы добровольно даем взаймы государству.

И деньги, что вносим мы сейчас по подписке,—это дань благодарности нашей великой Родине, где каждому доступно счастье, где человек свободен и горд, где рождается новый невиданный мир — мир коммунизма.

Аркадий КУЛЕШОВ

Вклад народа

Новый заем — это народный вклад в дело осуществления грандиозных работ новой сталинской пятилетки, выполнения задач ее третьего, решающего года.

На примере Белоруссии особенно ярко видны могучая сила социалистической экономики, ее великие преимущества. Белоруссия была разорена, опустошена гитлеровским нашествием. Прошло несколько лет, и республика, при братской помощи великого русского народа и всей страны, далеко шагнула по пути восстановления и строительства. Все быстрее исчезают развалины на улицах наших городов; на месте руин поднялись новые многоэтажные дома. Давно ожили и работают Минский велосипедный завод, Минский и Гродненский тонкосуконные комбинаты, инструментальный, станкостроительный заводы. В прошлом году пущены в эксплоатацию первые цехи автомобильного и тракторного заводов. В нынешнем году строительство этих двух гигантов будет в основном закончено.

Появление в Белоруссии таких заводов всесоюзного масштаба меняет лицо всей республики, всю ее жизнь. Они дают возможность полностью оснастить наше сельское хозяйство передовой техникой, обеспечить его дальнейший под'ем, быстрее ликвидировать разницу между городом и деревней. Уже теперь белорусские колхозы собирают богатые урожаи. Они крепнут и богатеют. Разительно меняется их экономика. Там, где еще недавно были болота, развертываются работы по выращиванию кок-сагыза. Белоруссия начинает выработку отечественного каучука!

С каждым годом все быстрее будут осуществляться подобные преобразования. Достаточно сказать, что в этом году почти 90 процентов сумм из бюджета республики направлено на восстановление и дальнейшее развитие ее народного хозяйства, на удовлетворение бытовых и культурных нужд населения.

От всего сердца вносит народ свой вклад в это строительство. Вместе с народом и мы, писатели, внесем свои сбережения для быстрейшего выполнения наших великих задач.

Валерия ГЕРАСИМОВА

Дивиденды материальные и духовные

На собрании ткачих «Трехгорки», посвященном сообщению о новом займе, выступила директор Трехгорной мануфактуры Анна Северьянова.

На точном языке цифр она говорила о том возмещении, которое коллектив «Трехгорки» в прошлом году получил от государства взамен того, что дал ему взаймы. Коллектив комбината подписался на сумму в три миллиона, а от государства получил пятнадцать миллионов. Затраты правительства на нужды рабочего коллектива «Трехгорной мануфактуры» директор перечислила «постатейно» — здесь были и детские сады, и ясли для ребятишек ткачих (800 тысяч рублей), и содержание театра, клуба и стадиона (1.815 тысяч рублей), и строительство двух санаториев в Евпатории (2.500.000 рублей), и многое, многое другое...

На языке «сухих» цифр раскрывалась перед работницами «Трехгорки» величественная картина того, что дает трудящимся их собственное, принадлежащее им государство.

Длинен и разнообразен список не только материальных, но и духовных богатств советского человека, несоизмеримых с содержимым всех сейфов мира. Вот эти богатства: никем не попираемое, ничем не принижаемое чувство подлинного человеческого достоинства; радость труда на благо великого коллектива людей социалистической страны; благородное чувство братства трудящихся всех наций, всех оттенков кожи; раскрепощенная от корыстного использования, беспредельно свободная творческая и научная мысль...

И обо всем этом беспримерном возмещении с особенной ясностью мы вспоминаем сегодня, от всего сердца отдавая взаймы государству свои трудовые рубли.

Писатели рассказывают о своих земляках

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

Доктор БИРЮКОВ

Более двадцати лет назад в небольшом городке Шадринске, что стоит на Исети, появился молодой врач Аркадий Павлович Бирюков. Часто, отстаивая жизнь своих маленьких пациентов, он предписывал им свежие фрукты.

Но где достать фрукты в Зауралье, холодном, неласковом краю?

Аркадий Павлович решил поспорить с природой. В 1926 году возле своего дома он посадил первые яблоньки. Упорно боролся он за первенцев своего сада. Энергия и воля победили — три года спустя Бирюков снял первый урожай яблок. Начиная с этого времени, он настойчиво ищет местные морозостойкие сорта фруктов, проводит интересные опыты по скрещиванию различных пород.

Сейчас в саду Аркадия Павловича одних только яблок 250 сортов. Смородина, вишня, слива, виноград, грецкий орех прекрасно привились и дают плоды.

Сад доктора Бирюкова превратился в подлинный питомник садоводства. Трудящиеся Шадринска и колхозники окрестных деревень получили свыше сорока тысяч саженцев и двадцати тысяч черенков из сада Бирюкова.

В одном только Шадринске сейчас имеется около девятисот фруктовых садов.

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА.

гор. ЧЕЛЯБИНСК.

Телятница БЛЫТОВА

В Гавриловском колхозе «Новая жизнь» Куйбышевской области у лучшей телятницы-стахановки шестидесятилетней Ольги Егоровны Блытовой ни разу не было случаев падежа телят. На-днях председатель колхоза Мажнов об'явил ей благодарность за образцовую чистоту и порядок в телятнике. Ольга Егоровна отказалась от благодарности и сказала председателю:

— По-твоему, здесь хорошо, а по-моему, лучше должно быть.

Председатель удивился:

— У тебя же соринки не найдешь.

Телятница ответила:

— Соринки, может, не найдешь, а утром сегодня полы помыть не управилась, а помоешь — воздух свежей. Благодарности принять не могу, мне совесть моя выговор об'явила.

Н. ЗАДОНСКИЙ

гор. КУЙБЫШЕВ

Бакенщик ВЛАСОВ

Ниже города Оханска, на Ашапском перекате Камы, живет знакомый всем речникам старик, Степан Васильевич Власов. Шестьдесят восемь лет он работал бакенщиком на этом перекате, и за все годы не было аварии там, где наблюдал за рекой и расставлял сигналы Степан Васильевич. Он с любовью выполнял свое скромное, требующее большого внимания дело. Знает реку!

Через год Степану Васильевичу исполнится девяносто лет. Он в 1946 году вышел на пенсию, и за перекатом ведет наблюдение новый бакенщик, его сын, которому еще до сих пор помогает отец советом и делом. На груди старика — орден Ленина и медаль «За доблестный труд в Отечественной войне».

Сейчас многоводная Кама вскрылась от льда. Скоро начнется навигация. И снова, как это повелось давно, пароходы будут подавать приветственные гудки, проходя мимо домика, где живет заслуженный бакенщик.

Б. МИХАЙЛОВ

гор. МОЛОТОВ

Мастер ЗАЛОГИН

На паровозных кладбищах депо Таганрог скопилось много локомотивов, разрушенных войной. Мастер паровозного депо Дмитрий Александрович Залогин решил оживить сердце паровоза — котел — в условиях депо. Такой ремонт, требующий снятия котла с паровозной рамы, раньше делался только на заводах. Залогин восстановил котел, не снимая его с рамы.

Опыт Залогина подхватили другие депо Северо-Кавказской дороги. К 1948 году ими возвращены к жизни 173 паровоза. В этом году из депо дороги выйдут свыше 200 локомотивов; многие из них были назначены на переплавку в мартенах.

И. ВАСИЛЕНКО

гор. ТАГАНРОГ

Гибщик БАТАЕВ

Гибка — профессия тяжелая. Широкий металлический лист весом в несколько пудов надо выгнуть точно по чертежу. Эта работа усложняется еще и тем, что до самого последнего времени гибка выполнялась вручную.

При скоростном методе строительства паровозов и пароходов гибочные работы стали «узким местом», тормозящим своевременное выполнение сталинской пятилетки.

Гибщик завода «Красное Сормово» Федор Батаев решил рационализировать свой труд, заставить машину помогать гибщику. Он предложил перевести ручную гибку кронштейна для крепления фонаря паровоза на штамповку на паровом молоте и сконструировал штамп. Старший технолог цеха тов. Баландин помог ему внедрить штамповку в производство. Результаты оказались блестящими: ту же самую деталь, на которую при старом методе обработки требовалось 8 минут, теперь делали за 30 секунд.

С этого и началась рационализаторская деятельность гибщика Батаева. Стремясь досрочно выполнить послевоенную сталинскую пятилетку, он в 1947 г. сконструировал более 40 различных штампов и приспособлений и выполнил за год две с половиной годовых нормы.

В 1948 году он уже дал 7 новых предложений, благодаря которым выпуск некоторых деталей увеличился в 11—12 раз.

М. ШЕСТЕРИКОВ

гор. ГОРЬКИЙ

Осип ЧЕРНЫЙ

Собственный корреспондент

— Слушай, Моденов, — сказал редактор областной газеты по телефону собкору, — у тебя четыре района, а у меня их в области больше восьмидесяти. Уж ты меня извини. Все-таки и другим районам нужно место в газете.

Моденов вынужден был с этим согласиться, хотя энергия его и требовала выхода.

Вот уже несколько месяцев он работал в воронежской «Коммуне». Он появился в начале 1946 года, после возвращения с фронта.

— А ты из здешних мест? — спросил редактор.

— Нет. Был у нас в политотделе капитан Пахоренко, воронежец. Хорошо он ко мне относился — я там в политотделе секретарем работал. Все говорил: «Поедем со мной — хороший был город, подберешь себе место по вкусу». А я сам из Архангельской области.

Он разговаривал с певучестью северянина, окая; говоря «поспевал», «созревал», «доканчивал», и тем не менее речь отличалась хорошим выбором слов.

Редактор приглядывался к этому юноше с сержантскими погонами, с доверчивыми, чуть-чуть косящими голубыми глазами, с умным, высоким лбом и, как у северян, льняными редкими волосами. Из расспросов редактор узнал, что Моденова воспитал детдом; после детдома он стал избачом, работал в районной газете — работа эта очень его увлекла; затем ушел воевать; с войны вернулся молодым членом партии.

— Давай, товарищ Моденов, попробуем, — решил редактор. — В Калач собкором поедешь?

Городок, куда приехал Моденов, оказался небольшой, со всех сторон окруженный холмами. Самое его название произошло, говорят, от того, что посреди этих холмов он напоминал своей формой калач. Домики были белые, как в украинских селах.

Из окон квартирки Моденова открывался вид и на тихую улицу и на соседские огороды. Впрочем, он не сидел дома, все больше ездил по районам, передавая в Воронеж свои заметки, деятельно помогал: детсаду — в хлопотах об инвентаре, колхозу — в культурных нуждах, больнице — в ее заботе о топливе. В иных случаях Моденову просто не терпелось подтолкнуть и ускорить рождение нового, вытесняя его своими руками.

Осенью 1946 года пришла в районную агролабораторию Калача звеньевая из колхоза «Красная Армия». В этот трудный, засушливый год она сумела вырастить первоклассные семена. Разве не следовало тут вмешаться собкору?

Он приехал в колхоз «Красная Армия» и об участке Александры Нестеренко написал в «Коммуну». Опыт настойчивой звеньевой стал достоянием сотен тысяч читателей. Но и этого было мало: следовало думать о будущем годе. Собкор деятельно участвует в обсуждении звеном его новых обязательств, публикует их, устраивает встречи звеньевой Нестеренко с людьми других колхозов, печатает запись ее бесед. Агитация за кандидата в Воронежский облисполком Александру Нестеренко усилиями собкора превращалась одновременно в агитацию за передовые методы ее работы.

И с другими пытливыми, ищущими и беспокойными людьми успел за это время подружиться Моденов: инженер-мелиоратор Бочаров, агроном Богачов, секретари райкомов, заведующие сельхозотделами вошли в его жизнь.

Не раз беседовал он с инженером Бочаровым об орошении степного края. Февральский Пленум ЦК ВКП(б) воплотил мечты тысяч людей. Моденов предложил Бочарову:

— Давайте опубликуем статью об орошении района.

До войны существовали в Калачевском районе небольшие поливные участки. Они были запущены. Надо было не столько их возрождать, сколько развернуть новое движение.

Статья Бочарова появилась в воронежской «Коммуне». Вслед за тем четыре человека—председатель райисполкома, зав. сельхозотделом, автор статьи и собкор газеты — отправились в колхоз. Колхоз выбрали имени Чапаева—крепкий, хозяйственный. Председатель его, пожилой человек, тоже, как и Бочаров, как и Моденов, прошедший школу войны, сразу понял, о чем повели с ним разговор.

—Чи выйдет, чи нет, ще неизвестно,— сказал он, вздохнув,—а попробовать надо.

Раз Дмитрий Чугуевцев собирался пробовать, значит, верил в дело.

С почина чапаевцев и началось возрождение поливных площадей. Следующей весной чапаевцы, подготовив у себя крупные участки для полива, обратились с призывом ко всем колхозникам области.

Одни лишь калачевцы обеспечат в этом году поливом 650 га, а по всей области будет орошено 12 тысяч. К концу пятилетия Воронежская область будет обладать 200 тысяч га поливных земель.

Сегодня и партийные работники района, и мелиораторы, и председатели многих колхозов думают о водопод'емных колесах — чигирях, о рытье каналов, насосных установках, локомобилях. Рука молодого собкора все время находится как бы на пульсе этого горячего начинания: послать ли сигнал в газету или организовать статью, пойти ли в сельхозснаб поговорить о материалах или с'ездить в колхоз, — подсказывает Моденову его чутье газетчика и накопившийся опыт.

Таким же народным делом является и борьба за травопольные севообороты, которую, с помощью областной газеты, повел главный агроном района Богачов. Нужно было близко с ним подружиться, чтобы узнать, о чем мечтал этот неугомонный маленький человек в военной шинели. Нужно было в его борьбе за новое находиться рядом с ним, чтобы во-время посылать в газету то статью, то тревожный сигнал, то сообщение об успехе дела.

Сейчас Богачов борется за предплужники. На страницах «Коммуны» он сумел доказать, что пахота с предплужниками, восстанавливая структуру почвы, повышает урожай самое меньшее центнера на 2,5—3. С ним как будто никто не спорил, но далеко не все делали то, что от них требовалось.

Недавно секретарь Воробьевского райкома решил обрадовать Моденова тем, что в крупнейшем совхозе района пашут с предплужником.

— И здорово, брат, пашут — красота!

— Давайте, с'ездим туда, — предложил собкор.

Имея другие сведения о делах в совхозе, он решил действовать методом наглядным. По пути он спросил осторожно:

—А если без предплужников работают— не может этого быть?

— Да брось, пожалуйста! — с сердцем сказал секретарь. — У меня ж сведения верные!

Жестокое огорчение ожидало его в совхозе: земля была подготовлена посредственно, предплужники лежали без дела, отцепленные от плугов.

— Ну, скажите, пожалуйста! — закричал секретарь. — Это что же такое? Очковтирательство?

Собкор сочувственно молчал. Он думал, откуда бы передать материал в газету. Надо было использовать этот случай для нового удара по нарушителям требований агрономии.

Корреспондентский блокнот его полон фактами, цифрами и примерами. За сенсациями он не гонится — это не в натуре советского корреспондента.

Впрочем, как знать? Может быть, именно сенсацией было сообщение о том, что колхозник Небогин в первый день сева посеял 6,5 га? Моденов сообщил об этом по телефону, и на другой день в «Коммуне» появилась шапка: «Берите пример с коммуниста Небогина!» Спустя два дня из другого угла области собкор Чиликин сообщил: «В нашем районе достигли рекорда сева 8 га». Прошло еще два дня, и собкор Божокин передал из Россоши: «Есть 9 га!», и тогда Моденов, продолжая это охватившее всю область соревнование, передал срочно: «У нас в Старой Криуше сеют по 12 га в день!»

Только ли беспристрастное наблюдение собкоров принесло эти цифры? Думается, нет: страстное участие каждого из них в развернувшемся соревновании. Газетчики были не наблюдателями, а организаторами.

Молодой собкор полон стремления служить своему району, быть преданным ему, культурным советским газетчиком. Он это делает, сознавая всю меру своей ответственности, и недаром его маленькая квартирка стала своеобразным центром, куда приходят и учительница, и звеньевая, и полевод, и директор здешнего молодого театра.

Послушаешь их разговоры и с особенной силой почувствуешь, какие крепчайшие нити связывают советскую газету с ее читателем.

Послушаешь их разговоры и с особенной силой поймешь, какой всесторонней жизнью живут люди района: колхозники строят заводы, кирпичные и черепичные, закладывают сады, лесозащитные полосы, орошают поля, добывают мел, проводят у себя электричество; люди районного города всем своим опытом, знанием, всей страстью своего сердца участвуют в этом творчестве десятков тысяч простых людей.

Когда наблюдаешь деятельность собкора в районе, видишь, из каких глубоких народных источников возникают идеи и темы газеты. У нас еще уцелел в литературе и в кино тип бойкого журналиста. Между тем, работник советской печати является сегодня горячим, самоотверженно-честным участником всеобщего творчества. По временам не знаешь, возникло ли новое потому, что газета во-время подхватила шедшую снизу инициативу, или она, наоборот, сумела сама подсказать нужную мысль творцам нашей жизни.

«Газета—не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор, — писал В. И. Ленин. — В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом».

Я пишу о молодом собкоре Моденове. Но рядом с ним стоят тысячи наших собкоров, армия советских газетчиков — честных тружеников-большевиков.

Нужно обладать высоким чувством партийности, хорошо сознавать, какие дела творит наш народ, чтобы служить ему в наши дни пером журналиста.

г. КАЛАЧ.
Воронежская область.

Многотиражной газете трижды орденоносного ленинградского завода «Электросила» имени С. М. Кирова 1 мая исполнилось 25 лет. Газета «Электросила» широко освещает на своих страницах вопросы партийной и профсоюзной работы, жизнь производства и быт трудящихся.

На снимке: редакционная коллегия обсуждает очередной номер газеты. Слева направо — секретарь редакции А. Зубов, члены редколлегии Г. Гинзбург, В. Родюков, О. Горная, редактор А. Родькин и член редколлегии технолог Е. Ардашков.

Фото Н. Караваева (Фотохроника ТАСС).

Семен КИРСАНОВ

Поэзия в газете

Только что мне позвонили из одной редакции: — Товарищ Кирсанов! Напишите три строфы о новом займе...

И хотя нужно было писать вот эту статью ко Дню печати, уже запланированную в «Литературной газете», — какое-то привычное чувство обязанности заставило меня отложить ее и сначала написать для газеты, которой понадобились стихи о займе. Работа над стихотворением, которого в редакции с нетерпением ждут, для которого наготове держат курьера, звонят, справляются, — такая работа вселяет в поэта чувство своей необходимости, реального участия в деле, которое в тот же час делают тысячи людей, сотни советских учреждений и партийных организаций. Это создает живое ощущение теснейшей связи поэта с общей могучей деятельностью государства. То, что называли «радостью творчества», приобретает устойчивый и реальный смысл, — это удовлетворенность видимой и зримой работой в обществе для общества. И каким бы спешным ни было задание, стихотворение должно сосредоточить в себе все мастерство и энергию автора. Сила влияния стиха не должна быть ослаблена торопливостью письма. Стихотворение должно быть полнозаряженным снарядом. Написав о пятилетке в четыре года, и ты отвоевал у времени какую-то секунду!

Поэзия в газете — явление чисто советское. Советскую поэзию в газете не надо смешивать с существовавшими до революции в буржуазной печати и существующими по сей день за рубежом в буржуазной прессе низкопробными стихотворными жанрами. Только в революционной большевистской газете, в ленинской «Правде» возникла поэзия Демьяна Бедного, содержанием и духом соответствовавшая тому, что давала в статьях большевистская газета.

В первые же дни после Октябрьской революции стихи буквально ринулись на газетные страницы. И печать, перешедшая в руки рабочего класса, оказала поэзии широкое, поистине народное гостеприимство. Поэзия Маяковского обратилась к газете, как к достойной его стихов народной трибуне. Стихам Маяковского нечего было делать в изящных альманахах и миниатюрных томиках. Газета же предоставляла поэту души сотен тысяч людей. Газета обязывала поэзию быть массовой. Вот почему **ошибается тот**, кто считает поэзию в газете **особым жанром, «газетной» поэзией.** Произошло не прибавление еще одного жанра, а, как говорил Маяковский, — «расширение словесной базы», расширение круга читателей, круга тем, интересов, поэтических средств. Значительность прихода поэзии в газету заключается в том, что стихи в газете сохраняют все свои поэтические качества, но плюс к ним приобретают еще особо острую реалистичность, конкретность, прикрепленность ко времени, ко дню и, наконец, созвучность со всей массой материала в газете, а значит, и с общественными интересами, отраженными в этом материале. Что теряет поэзия в газете? Абстрактность, суб'ективистскую замкнутость, ограниченность темы, — именно то, что поэзии обязательно надо было терять!

Газета, пред'являвшая к поэту требования земной, грубой, ощутимой реальности, влияла на формирование поэтов новой советской формации. Поэт обязан был погрузиться в экономические сводки, в цифры планов строительства нашей страны. Не будучи хорошо ориентированным в политике, поэт неизбежно оказался бы несостоятельным тогда, когда острый политический момент потребовал бы от него выступления в печати. Таким образом, у нас почти исчез доселе распространенный тип кудрявого анархиствующего богемщика и утвердился новый тип поэта — общественного деятеля, народного водителя и народного слуги.

Если бы мы задались целью выяснить, какое влияние оказала газета на творчество Маяковского, — мы бы увидели, что он без газеты не мог стать тем Маяковским, которого мы сейчас знаем. Да, Маяковский первый ушел из «барских садоводств поэзии, бабы капризной», и газета, советская ежедневная газета для рабочих и крестьян, для партийных и беспартийных советских патриотов, повела его в кипучую жизнь строек и заводов, развернула перед ним папки с будничными делами, познакомила его с передовой советской общественностью, с бытом общежитий, клубов, столовых, парков и стадионов. Газета дала поэту письма рабкоров и селькоров, потребовала от него глубокого знания жизни, ясного понимания политической обстановки, перспективы, теснейшей связи с планами и делами партии, обостренного чувства нового и, наконец, — без чего нельзя обойтись, — помогла утолить его **желание во всем участвовать, во все вмешиваться.**

Литература знает поэтов «одной темы» — таких было немало в прошлом. Но уж если поэт пошел в газету, то либо газета должна будет перейти «на одну тему» и потерять всех своих подписчиков, либо поэту придется заняться многими темами. Между прочим, непонимание того, что поэзия в газете не жанр, не снижение, а, напротив, повышение ее звучания, мешает многим поэтам по-настоящему писать в газете, создает двойственность в работе поэта. Так, например, поэт в журналах печатает плавные лирические стихи с оттенком стилизованности. В газетах тот же поэт печатает стихи с разбитыми строчками, расположенными лестничкой, не похожие на стихи этого поэта в журналах.

Правильно ли такое положение? По моему мнению, глубоко неправильно. Хорошие стихи, достойные газеты, достойны быть напечатанными в журнале и в книге поэта. Газета же имеет перед журналом то преимущество, что дает поэту возможность выступать в день события, в самом разгаре общественного явления. Кроме того, газета своей спецификой вовлекает поэта в гущу жизни, в то время как журнал часто смотрит на поэзию с несколько ограниченно-литературной точки зрения. Вот почему Маяковский редко давал свои стихи в толстые журналы. Да не поймут это, как выступление против журналов. Напротив, хотелось бы, чтобы и журналы стали пред'являть к стихам «газетные требования».

Стихотворение, тема и мысль которого находятся за пределами общественных интересов, обязательно будет выглядеть в газете чем-то вроде губной помады рядом с боевыми патронами в ружейной обойме. Это очень хорошо почувствовали поэты, боявшиеся «газетности». Газетности они боялись, а в газете печататься хотелось. Вот их стихи и печатались на специальных литературных страницах, дабы не смешивались «козляти с осляти», шопоты муз — с будничными статейными материалами. Маяковский не терпел, как он однажды выразился, «литстранников из литстраниц» и сам не желал быть этаким литстранником. Он больше всего любил, когда стихотворение соревновалось со статьей, с политической речью — актуальностью своей темы, броскостью и точностью политических формулировок; он стремился к тому, чтобы как можно больше строк было «расхватано на эпиграфы» и цитаты. И оказалось, что наиболее газетные стихи («однодневки») явились многодневными, долговечными, поэтичными. За Маяковским в газету шли и другие советские поэты, сообщая своим творчеством всему советскому поэтическому движению особые черты, сближавшие поэзию с партийной журналистикой, с революционной публицистикой. Это были черты активной обращенности к читателю и высокой принципиальной идейности.

А какую пользу приносит поэзия газете? Если газета относится к стихам, как к «стихотворным заставкам» и печатает их для подверстки, то польза лишь в том, что стихи облегчают работу метранпажа. Если же газета рассматривает стихи, как равноправный материал, столь же необходимый, как проза, то поэзия играет роль эмоционального усилителя звучания всего газетного материала.

Так в течение двух десятилетий поэзия играла в «Комсомольской правде» важную роль наряду с прозаическим материалом газеты. Строки Маяковского о том, что «рифма поэта—ласка и лозунг, и штык, и кнут», не раз получали осуществление на страницах наших газет. Нет нужды доказывать, как воодушевляет горячее и вдохновенное стихотворение. Стихотворение-сатира придает особую остроту критическому материалу. Статьи и стихи на одну тему, помещенные рядом в одном номере, усиливают впечатление, выделяют затронутый вопрос, обращают на него внимание читателя. Вспомним стихи, печатавшиеся в годы первых пятилеток. Вспомним стихи под заголовком «Останови!», напечатанные под плакатом Корецкого на первой странице газеты в год фашистского нашествия на нашу Родину. Недаром наши воины сохраняли обрывки газет со стихами. Наш читатель ждет, любит, читает стихи, сохраняет понравившиеся. Другое дело — за рубежом. «Стопроцентного» американца, привыкшего к описаниям убийств и биржевой хроники, просто нельзя представить за чтением стихов. Для зарубежной буржуазной прессы стихи на первой странице газеты — невозможное, чрезвычайное происшествие! Для советской газетной страницы стихи — это обычное, свойственное, желаемое. Советский читатель видит в поэзии близкую и правдивую собеседницу, советчицу в реальных делах, острую на словцо, умеющую, если надо, разжечь гражданский гнев, если праздник—порадовать и повеселить, а если час тревоги — повести в бой.

Мне думается, что многие наши газеты как-то забыли и о требованиях читателя и о своей прямой газетной пользе. Кое-где печатаются стихи «на подверстку». Настоящая поэтическая публицистика почему-то выпала из газетных полос многих центральных, республиканских и областных газет. Лишь в праздничные дни стихов больше. Поэты «мстят» по праздникам редакциям за годовое равнодушие газет к поэзии. Конечно, такое положение нетерпимо. Да и сам поэт без публицистического дела дисквалифицируется и, нет-нет, ляпнет где-нибудь совсем уже альбомное. Нужна взаимная заинтересованность поэта в газете и газеты в поэте.

Если газеты хотят по-настоящему бороться против формализма, камерности и альбомщины, они должны вернуть поэзию в газетные штаты, где она завоевала себе неоспоримое место и «выпала», вероятно, по недоразумению.

В недоразумении, между прочим, повинны и некоторые критики, все еще об'являющие поэзию в газете «газетной» поэзией, относящиеся к ней высокомерно или обидно-снисходительно. До сих пор к стихам в газете некоторые критики подходят с эстетско-идеалистических позиций. Немало вреда принесло то обстоятельство, что до сих пор гораздо труднее издать свою публицистику, нежели произведения «чисто эпического» жанра или суб'ективно-лирические.

Необходим перелом в отношении к политической поэзии, какой и является поэзия в газете. Советские поэты ждут этого перелома, он должен стать началом нового под'ема нашей публицистической лирики, поэтической сатиры, нашей высокой советской патетики.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

СЛОВО ХОЗЯИНА

НЕПОЛИВНОЙ ХЛОПОК

В предвоенные годы,—пишет кандидат сельскохозяйственных наук В. Рейнгардт,—без полива выращивалось на юге РСФСР и Украины сотни тысяч гектаров хлопчатника. Они давали ежегодно миллионы пудов хлопка-сырца. Средние урожаи были 3,4 центнера с гектара—выше, чем в Индии. Колхозы, сеявшие неполивной хлопок, получали миллионные доходы. В одной лишь станице Старотитаровской доход хлопководческих колхозов был так велик, что они построили дворец культуры со зрительным залом на 1.200 мест и вращающейся сценой, организовали симфонический оркестр, купили планеры и даже учебный самолет.

После войны посевы хлопчатника в наших степных районах резко сократились. Но и сейчас, когда вся страна успешно восстанавливает разрушенное войной хозяйство, ничего не делается для возрождения этой ценнейшей культуры.

В Министерстве сельского хозяйства СССР, сообщает тов. Рейнгардт, нет ни одной живой души, которая персонально ведала бы неорошаемым хлопком. Как и двадцать лет назад, говорят о засухе, мешающей получать высокие урожаи, хотя жизнь давно уже опровергла эти басни.

Не в засухе дело, а в недостатке внимания к хлопку в неполивных районах, в равнодушии к нему сверху донизу — от министерства до МТС.

В ЕВПАТОРИЙСКОМ ПОРТУ

Г. Морозов, надзиратель порта Евпатория, выражает в своем письме беспокойство в связи с тем, что порт, разрушенный немецкими оккупантами, очень медленно восстанавливается. Все работы, какие можно было сделать местными силами, давно выполнены, а со стороны Министерства морского флота, кроме обещаний, никакой помощи нет.

«Министерство обещало нашему порту два судна, — пишет тов. Морозов, — они даже были заказаны заводу имени Марти, но до сих пор мы их не получили. Впрочем, это не мешает министерству ежегодно составлять план перевозок для несуществующих судов».

Любопытно, что заказанные суда уже давно готовы, и порт не может их получить лишь потому, что планово-финансовое управление министерства, уже планируя доход с несуществующих судов, никак не соберется оплатить заводу их стоимость.

Как говорится: правая рука не ведает, что творит левая!

«ИТАК, Я ЖИЛ ТОГДА В ОДЕССЕ...»

От вокзала до Приморского бульвара, где стоит памятник Пушкину, протянулась одна из красивейших улиц Одессы. Здесь, в доме № 13, жил в 1823 году великий русский поэт. Одесситы назвали эту улицу Пушкинской.

Немецкие оккупанты сожгли памятный дом. Уцелела лишь фасадная стена с мраморной мемориальной доской.

«В знак всенародной любви к поэту,— пишет из Одессы П. Карась, — предлагаю восстановить этот дом и создать в нем пушкинский музей».

УНИВЕРСИТЕТ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В Сталинабаде открывается первый в Таджикистане и 32-й в Советском Союзе государственный университет.

Ректор университета доктор исторических наук тов. Зариф Раджабов в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заявил:

— Таджикское правительство ассигновало на создание университета семь миллионов рублей. Нам передано одно из самых красивых зданий столицы. В этом году будут организованы факультеты: физико-математический с химическим отделением, биологический, географо-геологический и историко-филологический. На восточном отделении историко-филологического факультета создаются три группы — иранская, турецкая и арабская. Они подготовят специалистов-востоковедов по истории и филологии Востока.

Желание таджикской молодежи учиться в своем национальном университете огромно. На 200 мест первого курса уже подано свыше 450 заявлений.

Тов. Раджабов сообщил, что при университете создаются большая научная библиотека, музей и типография. Кроме основного здания, в котором будут расположены лекционные залы, научные кабинеты и лаборатории, университет получает хорошо оборудованное студенческое общежитие, клуб и другие бытовые учреждения. В будущем намечена организация научно-исследовательского института.

Аалы ТОКОМБАЕВ

Свободные горы

Мы вспоминаем наш первый печатный орган «Эркин Тоо» («Свободные горы»). Эта газета — колыбель киргизской литературы, до нее не существовало и алфавита киргизского языка.

«Эркин Тоо» родилась в 1924 году, в год великого преобразования Средней Азии. Произошло территориальное размежевание. Киргизия в этом году стала автономной областью, через два года была преобразована в автономную республику, а в 1936 году—в союзную республику. То были дни великой стройки советской Средней Азии, и тогда-то определилось многое в ее растущей культуре.

Я был студентом, учился в Ташкенте. Студенты слышали, что скоро будет напечатан первый номер киргизской газеты, но где она выйдет, — мы не знали.

Седьмого ноября вышла на парад группа студентов-киргизов, учившихся в Средне-азиатском коммунистическом университете им. Ленина, Казахо-киргизском педагогическом институте и на рабфаке. На улицах Ташкента, осененных еще густой зеленью тополей, подростки выкрикивали привычные названия узбекской газеты «Кзыл Узбекистан» и казахской газеты «Ак-Джол»; вдруг мы услышали название новой газеты, — в ту пору киргизов по-старинному называли кара-киргизами.

Раздавались резкие мальчишеские голоса:

— Кому кара-киргизскую газету «Эркин Тоо»!

Студенты Киргизии окружили газетчиков. Конечно, мы давно мечтали о родном литературном языке, — до сих пор мы учились читать на языке родственном — казахском. Развернув новую газету, студенты с жадностью приступили к чтению, но так как ударения казахской речи расположены не так, как у нас, и казахская речь «акающая», мы с трудом вчитывались и — по непривычке — киргизские слова произносили всё так же, как и до сих пор, — на казахский лад.

Но скоро мы свыклись с родным звучанием строк, с упоением прочитали первую полосу и почувствовали себя так, точно очутились в среде самого нашего народа.

На третьей странице было стихотворение. Начальные строки его показались мне знакомыми. Я посмотрел на подпись и увидел мое имя. Да это же мое стихотворение!

Незадолго до этого я отдал первые свои стихи казахской газете, именно в эти дни произошло размежевание среднеазиатской территории, а с размежеванием — и распределение имущества; вместе с типографией, отдаваемой Киргизской автономии, ей были отданы и все киргизские рукописи: вот почему мое стихотворение попало в «Эркин Тоо» и было там напечатано.

Первый трепет улегся во мне, и я с чувством отстраненности вчитался в это маленькое произведение: оно было новым произведением и написано по-новому: вместо традиционного восьмисложника — одиннадцатисложником.

Первый, второй и третий номера газеты были напечатаны в Ташкенте, а последующие печатались уже в столице Киргизской автономии — Фрунзе.

Наша первая газета была теми «лесами», за которыми родились очертания принципиально новых для нашей юной литературы стихов, поэм, написанных не по старому канону, в этой газете мы увидели первые контуры нашей киргизской прозы, наших первых киргизских пьес.

Вскоре в газете появились еще молодые поэты — Мукай Элебаев (впоследствии переводчик русских поэтов, в том числе и Маяковского), появился поэт Молдогазы Токобаев, Джума Джамгарчинов. Свою работу по созданию новой киргизской литературы мы вели не в отрыве от народа, наш читатель рос с нами, он ежедневно проверял наш труд, соглашаясь с ним или не соглашаясь.

В республике создавалась промышленность, киргизы переходили от бродячего скотоводства к интенсивному землепользованию, — великие преобразования вдохновляли нас к творчеству, мы уже видели в мечтах первые книги на родном языке.

Всего за восемь лет до этого бедняки-киргизы уходили от преследования баев, манапов, чиновничества в Китай; они шли по непроходимым скалистым горам, в голодной дороге ели волчье мясо, и волки ели наших погибавших от изнурения родичей. Только восемь лет... Мрачное, волчье осталось в прошлом. Мы, студенты, первые литераторы своего народа, участвовали в строительстве социализма, страстно желали, чтобы наше слово помогало утверждению новой жизни. Естественно, мы хотели научиться связывать свое творчество с интересами народа, и кто же мог лучше научить нас, как не великие поэты братского русского народа!

Вот почему свои первые робкие силы мы отдали и переводческому делу — обратились сначала к Пушкину и Маяковскому. У них и многих других славных русских мастеров поэзии мы учились итти в ногу с эпохой.

Вместе с тем мы изо дня в день собирали вокруг газеты все, что носило на себе печать новизны. Появились имена поэтов Юсупа Турусбекова, Джоомарта Бокомбаева, Кубанычбека Маликова, а за ними и первые беллетристы. Газета печатала новеллы Касымалы Баялинова и Касымалы Джантошева.

В 1927 году, когда я стал редактировать газету «Эркин Тоо», мы организовали при редакции литературный кружок, назвав его «Кызыл-Учкун» («Красная искра»). Мы верили, что и из нашей искры возгорится пламя.

Молодежь писала фельетоны, пробуя на них силы; этот «малый» жанр, как мы увидели позже, далеко не безразличен для роста «большой формы». В газете открылся отдел юмора и сатиры «Чалкан» («Крапива»); в этом отделе мы высмеивали пережитки национализма, родовых группировок, представлявших собою бедствие народа, бичевали калым, многоженство, взяточничество, тупой фанатизм. Многие заметки этого отдела являлись как бы либретто к позднейшим серьезным произведениям.

Теперь газеты издаются во всех областях, районах республики, а книги—беллетристика и поэзия — выходят в «Киргосиздате».

В Институте языка, литературы и истории при филиале Академии наук СССР большую работу ведут киргизские писатели, многие из них—давние кружковцы «Красной искры»; это кандидаты филологических наук Тазабек Саманчин, Хусаин Карасаев, научные работники Касымалы Баялинов, Ташим Байджиев и другие. Они создали первые киргизские словари, биографии знаменитых акынов, исследование живого языка, многие лингвистические труды.

Заместитель председателя филиала Академии наук Джапар Шукуров тоже вышел из рядов сотрудников газеты «Эркин Тоо», впоследствии переименованной в «Кызыл Кыргызстан».

От первой буквы, отлитой для нашей киргизской наборной, до нового, только что вышедшего альманаха, мы, киргизские писатели, живем делами печати нового типа, связанные с народом, учащиеся у народа живому слову.

К 500-летию со дня рождения Алишера Навои

М. ШЕЙХЗАДЕ

Сквозь столетия

Алишер НАВОИ.
Иллюстрация из книги А. Навои «Фархад и Ширин», вышедшей в Киеве в украинском переводе М. Бажана.

«Тот, кто добьется высокой дружбы, и тот, с кем будут все дружны, в пору долгожданного свидания в любви, прочитав или переписав мои стихи, пусть вспомнит добрым словом обо мне и тем самым обрадует мой дух», — так писал Алишер Навои, заканчивая философскую поэму «Смятение праведных».

Гениальное проникновение в смысл грядущих времен, вера в человеческое общество, основанное на всеобщей дружбе, утверждение творчества, как служения этой дружбе и любви,—вот что дает право великому Алишеру рассчитывать на внимание и благодарность поколений.

Печать бессмертия лежит на поэтическом наследии поэта. Подвигом было провозглашение человеколюбия в эпоху публичных казней, массовых истреблений, диких расправ, в эпоху фанатичного клерикализма и безнадежной мистики! Нужно было быть на целую голову выше эпохи, чтобы не поддаться философии самоотстранения от борьбы, чтобы не впасть в мрачный пессимизм фаталистов и нытиков, не проповедывать отречения от жизни, столь характерного для мировоззрения восточного феодального общества.

Конечно, как сын эпохи, Навои отдал немалую дань суфийским концепциям, мотивам мировой скорби, идеализации просвещенной монархии. Но сила поэта не в тяготении к феодальным традициям, а в стремлении к общечеловеческому, не в воспоминаниях о прошлом, а в мечтах о будущем. Пусть «земной рай» будущего представлялся поэту смутно, а путей к нему он не знал и не мог знать. Важно, что Навои звал к нему, и его призыв к добру и свету будил сознание людей.

Из глубоко гуманистических взглядов поэта рождался гордый протест против окружающего:

Судьба-старуха, где твой правый путь?
К тебе взываю: справедливой будь!

За понятием «судьба» — свирепые и черствые порядки эпохи, жестокость кровавых и алчных правителей. И он вступил в единоборство с этой судьбой. Резкая критика насилия, зов к справедливости, высмеивание узких, корыстных интересов правящих групп, восславление труда и знания, тревога за судьбы страны и народа, думы о простом человеке характерны для всего творчества Навои. И в невольных слезах болеющего за людей поэта мы видим отражение большого народного горя, и его пессимизм является, как сказал о другом поэте А. М. Горький, «действенным пессимизмом», ибо Навои звал ненавидеть бессердечные законы средневекового Востока.

Чем об'яснить живучесть образов Навои, неумирающую силу его голоса?

Чудесные образы, созданные в монументальных творениях Навои, рыцари любви и верности, правдолюбы и строители, поэты и полководцы, юноши и девушки — Фархад, Меджнун, Искандер, Лейли, Ширин, — выражали лучшие стремления народа, воодушевляли на поиски счастья и правды. Лирический герой поэм Навои жил в мыслях и сердцах узбекского и других восточных народов. В голосе поэта слышали поколения могущество несокрушимого духа, пафос жизни, нежность любви, смелые надежды, гневный протест против окружающей среды и воспевание земного счастья, тревогу о родной земле и боль за оскорбленных. Образы, так счастливо созданные поэтом, вошедшие в народ, выражали лучшие качества народной души, мечту поколений о светлой жизни.

Творения Навои выдержали испытание времени потому, что чувства, тревоги, мысли его героев не теряли своего значения для многих последующих поколений; вопросы, которые волновали этих героев, в течение пяти столетий волновали народ. Поиски правды и счастья, прав на лучшую человеческую жизнь всегда были «злобой дня» для народа. Конечно, самые эти вопросы не могли быть решены идеалистическими верованиями поэта в чудодейственную силу доброго слова. Но поэт напоминал обществу о желанных, еще не достигнутых задачах. В этом была его великая заслуга, как «вечно бодрствующей совести времени».

Вопросы, которые так остро волновали героев Навои, теперь давно уже решены— и решены совершенно иными, революционными способами. На землях наших народов—в том числе и в стране узбеков — навсегда кануло в вечность насилие деспотов вместе с их тронами, уничтожены несправедливость и гнет, рабство женщин, тунеядство, искоренено мракобесие, дикое человеконенавистничество.

Но и в наши дни вдохновенно звучит непреходящая сила поэтического гения Навои. Мы, свободные, гордые потомки, полны глубокой благодарности великому предку за благородные мечты. Бессмертные творения, созданные им, — богатейшая энциклопедия прошлого Среднего Востока. Вечно неувядаема их эстетическая прелесть. Навои преодолел узкие рамки кастовых и классовых предрассудков и поднялся до воспевания лучших человеческих чувств.

Разумеется, не все, что было создано поэтом, может быть просто перенесено в арсенал нашей социалистической культуры. Мы изучаем творчество Навои во всех его проявлениях и противоречиях, мы критически осваиваем его наследство и принимаем на вооружение лишь передовое и светлое из этого наследства. А светлое и передовое было главным в его творчестве.

Приближаются дни торжественной даты — 500-летия со дня рождения Алишера Навои. И мы, его потомки, под водительством большевистской партии претворившие в жизнь вековые мечты о свободном и справедливом человеческом обществе, глядя на портрет замечательного поэта-гуманиста, можем воскликнуть:

— Отец Алишер, ты мечтал не напрасно! Счастье человеческое и общество дружных людей на нашей земле стало былью. Мы вспоминаем о тебе добрым словом.

Выставка иллюстраций к произведениям А. М. Горького

В зале московского отделения Союза советских художников открылась выставка работ мастеров советского изобразительного искусства — иллюстраций к произведениям А. М. Горького. На выставке, организованной Союзом художников и Литературным музеем имени А. М. Горького, экспонировано около 150 произведений.

Особый раздел посвящен графическим произведениям на темы — «В. И. Ленин и А. М. Горький» и «И. В. Сталин и А. М. Горький» работы Г. Верейского и М. Полякова.

Представлен также ряд портретов великого русского писателя, исполненных П. Кориным и И. Соколовым.

Большой интерес посетителей вызывают иллюстрации Б. Дехтерева к повести «Детство», за которые в прошлом году он был удостоен Сталинской премии, и его же рисунки к повести «В людях», к рассказам «Страсти-мордасти», «26 и одна».

Роман А. М. Горького «Дело Артамоновых» привлек к себе творческое внимание таких крупных мастеров искусства, как Д. Шмаринов, С. Герасимов и других, выставивших серии интереснейших иллюстраций к этому произведению.

Выделяются работы Б. Иогансона — иллюстрации к повести «Мать» и Кукрыниксов — к роману «Жизнь Клима Самгина».

Выставка продлится до 7 мая.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ЭТО НАШЕ ДЕЛО»

31 марта с. г. под таким заголовком было напечатано письмо пчеловода тов. Харькова, в котором он сообщал, что председатель колхоза им. М. Горького К. Шахмеликян разворовал колхозную пасеку, а прокурор Адлерского района тов. Клочков отказался привлечь виновника к ответственности.

В ответ на это письмо зам. прокурора Краснодарского края тов. Алексеенко сообщил редакции «Литературной газеты», что факты, указанные в письме, подтвердились. Бывший председатель колхоза К. Шахмеликян привлекается к уголовной ответственности по закону от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Вопрос об ответственности прокурора Адлерского района тов. Клочкова будет разобран в ближайшее время.

«РЕДАКТОР — ДЕЯТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ»

Так называлось открытое письмо группы писателей и редакторов, опубликованное в № 23 «Литературной газеты» от 20 марта нынешнего года. В связи с этим письмом в Огизе состоялось широкое обсуждение работы редакторов в издательствах.

Совещание признало правильной критику существующей системы организации редакторского труда и установило, что Огизом и его издательством все еще не выполнено постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. в отношении постановки редакционно-издательского дела. Работа по повышению идейно-политического уровня редакторов организована недостаточно, слаб контроль за качеством редактирования, в издательствах редко проводятся обсуждения творческой и производственной работы редакторов, им не созданы элементарные условия, обеспечивающие продуктивную деятельность.

Совещание приняло ряд решений по упорядочению работы редакторов и повышению их ответственности за издаваемую литературу.

Заведующий Огизом **А. РЕВИН.**

Олег ЭРБЕРГ

„ДРУГ ПРОГРЕССА“

Рассказ

Я знал редактора газеты «Прогресс Афганистана» задолго до того, как мы встретились с ним в летнем кафе позади гробницы Али.

Газета, которую он редактировал, печаталась на литографском станке, была на четырех страницах форматом немногим больше конторской тетради и выходила один раз в неделю.

В редакционном об'явлении сообщалось, что газета печатает статьи литературного, научного и нравственного содержания, что непринятые рукописи уважаемых авторов обратно не возвращаются и что подписка на газету за пределами Афганистана исчисляется английскими фунтами.

Под газетным заглавием выделялась опрокинутым полумесяцем каллиграфическая вязь:

«Управляющий и главный редактор — Мухаммед Сарвар Бескорыстный».

Каждую пятницу ко мне заходил старик с жилистой, почти не сгибавшейся шеей, придававшей ему горделивую осанку, и всегда носивший чистую, некогда голубую, но полинявшую от частой стирки чалму.

Старик приносил мне еще пахнувший краской номер «Прогресса Афганистана» и задерживался у меня не больше, чем полагалось, чтобы выпить полчашки чая.

Он состоял в штате редакции, работал на литографском станке, печатая тираж, а затем разносил номера газет городским подписчикам.

В пятничный вечер я засиживался дольше обычного за керосиновой лампой, прочитывая от строки до строки всю газету. На первой странице газеты я находил обыкновенно королевские «фирманы» по случаю религиозных праздников или благополучного подавления восстания, вспыхнувшего среди какого-нибудь племени. Заграничные сообщения попадали сюда из столичной кабульской газеты, научный раздел заполнялся из номера в номер историей Афганистана, заимствованной из «Британской энциклопедии» 1875 года, а местная жизнь отражалась в различных мероприятиях губернатора или городского головы, причем чаще всего попадались уведомления о смещении чиновников, о ремонте одной из тридцати шести мечетей города, о наказании палками в количестве ударов, предписанном шариатом,* о приеме губернатором влиятельного ишана** или приехавшего в город хана, имеющего власть над своим племенем.

Случай свел меня с редактором Мухаммед Сарваром в канун приезда нового губернатора.

Кафе, в котором мы встретились, находилось посреди обширного сада, прилегавшего к гробнице Али, называемой также гробницей «Царя святых».

Юноша в белой чалме, в не очень опрятной белой сорочке, перехваченной красным кушаком, бесшумно ступая босыми ногами по ковру, подал нам виноград, свежие огурцы и розовое варенье. Поднос с угощением он поставил перед нами на высоком раскладном столике.

— ...Все дело в губернаторе, — говорил мне редактор, старательно срезывая кожуру с толстого огурца. — Да, саиб, все дело в губернаторе. Если он друг прогресса и желает процветания родины, то и газета в его провинции может служить на пользу народу.

У редактора был длинный, загнутый книзу нос, маленькие, узкие глаза цвета пережаренного миндаля и несоразмерно короткие руки.

Всем своим обликом и движениями он напоминал вертлявого Хасана из народного кукольного театра.

Нарезав огурец на продолговатые дольки, редактор продолжал:

— И газета тогда, саиб, критикуя местные порядки, будет помогать губернатору во всех его прогрессивных мероприятиях. При прежнем губернаторе критика была невозможна, потому что он был очень отсталых взглядов и держался старых обычаев. — Редактор понизил голос. — Англичане одобряли его взгляды, и поэтому он долго засиделся в нашей провинции... Можно ли, я вас спрашиваю, свободно писать рукой, прикованной цепью к тюремным воротам?

Редактор, видимо, сменивший не так давно просторный халат на костюм, стал подтягивать на локтях и без того укороченные рукава, как будто они стесняли свободу его движений.

— Вот вам пример. Прежний губернатор требовал, чтобы по праздникам у него собирались все чиновники. Это старинный обычай, и никто не осмелился его нарушить, даже если бы в этот день у каждого в доме стряслась беда. Иногда к столу подавался плов. Но никто не отваживался прикоснуться к нему, пока первым не отведает его губернатор. Сытый хозяин не торопится, шутит по поводу жаркой погоды или над кем-нибудь посмеивается. Он очень любил смеяться над рябым лицом почтового чиновника. Плов стынет, а голодные гости стараются друг друга пересмеять и делают вид, будто их совсем не интересует еда. Однажды я попробовал нарушить этот обычай и взял со стола ломтик лепешки, прежде чем губернатор запустил свою горсть в блюдо с пловом. И что же получилось?.. Он сразу возненавидел меня.—Редактор наклонился в мою сторону.—Господин губернатор даже написал донесение в Кабул о том, что я своими неблагонадежными мыслями смущаю чиновников.

Редактор обмакнул две дольки огурца в розовое варенье и одну из них подал мне.

— Поглядите сюда, — сказал он, показывая на поваленный двухсотлетний платан, могучий ствол которого был распилен поперек на несколько частей. Его выкорчеванные красноватые корни высовывались из воронки исполинскими змеями.

— Это дело рук городского головы. Он задумал переустройство сада по своему вкусу. Он очень любит цветы и хотел на месте тенистых платанов посадить «петушиные гребни». В саду должны быть только цветы и ни одного дерева — так считал господин городской голова. Клянусь богом, саиб, он привел бы в исполнение свое намерение, если бы не вмешался главный ишан. — Редактор кивнул в сторону гробницы.—Он сказал ему: «Корни деревьев потому красные, что налиты кровью. Это святые деревья, осеняющие гробницу, и их нельзя трогать». Конечно, городской голова не захотел после этого рубить платаны. Он даже замаливал свой грех на площади перед гробницей, потому что не решался войти внутрь храма из боязни разгневать Царя святых.

— Следовательно, — заметил я, — не перо редактора газеты, а главный ишан спас эти чудесные платаны.

Редактор приподнялся из-за высокого столика и замахал своими короткими руками, как деревянная кукла, высунувшаяся из-за ширмы.

— Городской голова, — заговорил он, явно волнуясь, — обломал бы мое перо зубами, если бы я осмелился коснуться подола его высокой должности! Он был слишком дружен с господином губернатором... А об ишанах мне не говорите! У них зубы еще острей...

Редактор схватился за поясницу, скорчив гримасу боли.

— Вам неизвестно об этом случае. Вы тогда еще не были подписчиком моей недостойной газеты.

Он прожевал смоченный в варенье огурец и продолжал более спокойно:

— У нас бывает ежегодный праздник, саиб, в честь благословенной гробницы. И в этот день кто-нибудь обязательно исцеляется от своего недуга: одержимый паршой перестает чесаться, или слепой прозревает, или калека навсегда расстается со своими костылями. А тот, кто еще не избавился от хромоты, старается пожертвовать в пользу гробницы больше денег, чтобы приобрести костыли исцеленного, потому что у него тогда появляется много надежд на исцеление в будущем году. Я верю во всеисцеляющую силу Царя святых. И было бы греховно не верить. Но в прошлом году произошел неожиданный случай. Главный ишан об'явил о прозрении слепого, и я пошел поглядеть на чудо. Прозревшего посадили в темную келью, чтобы он постепенно привыкал смотреть на суетность этого мира. Возле его кельи все время толпились люди и бросали деньги в кружку, выставленную главным ишаном. И я сообразил тогда, что прозревшему еще много дней придется сидеть в темной келье, пока его выпустят суетиться в этом мире. Все же я приготовил свою рупию, чтобы бросить ее в кружку, и тут же заглянул в келью через крохотную форточку. Я сразу же узнал сидевшего там нищего, который постоянно просил подаяние у северных городских ворот. Я хорошо знал этого плута. Он покупал у моего знакомого аптекаря клей вишневого дерева и заклеивал себе веки. И я, да простит меня бог, не бросил свою рупию в кружку, а опустил ее обратно в карман и поспешил в редакцию. В ближайшем номере моей газеты появилась заметка под заголовком: «Досадное недоразумение». Я писал о том, что большой грех мусульманину обманывать народ, злоупотреблять щедростью благодеяний праха Али и что старый пройдоха своим постыдным поступком ввел в заблуждение высокочтимого главного ишана... И что же получилось?.

Редактор остановился, задержав на мне вопросительный взгляд своих маленьких миндалевидных глаз.

— Двадцать семь ударов палки, саиб, было мне наградой за это. Я их получил по приказу господина губернатора. А количество ударов ему посоветовал главный ишан: он ведь хорошо разбирается в законах шариата.

Редактор снова дотронулся до поясницы.

— Вот здесь, — сказал он, — я всегда чувствую боль, будто почки оторвались от своего места и ушли в глубь живота... Нет, при новом губернаторе этого больше не повторится. Новый губернатор любит прогресс, как орел — поднебесье. И мое перо уже никто не будет сдерживать, как никому не придет в голову сдерживать резвый бег коня во время игры «в погоню за козленком».

—А уверены ли вы, — прервал я редактора, — что и новый губернатор назначен не без одобрения англичан?

Тут к нашему столику подошел молодой человек с впалыми щеками. На нем был такой же тесный европейский костюм, как у редактора, но на голове он носил чалму. Это был писарь редакции, на обязанности которого лежала каллиграфическая переписка газетных страниц для оттиска на литографском камне.

Вежливо кашлянув, он обратился к своему начальнику:

— Саиб, городской голова требует к себе всех чиновников для обсуждения порядка встречи господина нового губернатора при его в'езде в город.

Редактор тотчас же поднялся из-за стола, оправляя на голове шапку и надвигая ее на уши. Он стал со мной торопливо прощаться, настойчиво приглашая зайти к нему в редакцию в ближайшие же дни.

Я возвращался домой узкими и запутанными переулками, когда уже стемнело.

Спотыкаясь о глубокие выбоины и наталкиваясь на завалы обветшалых глиняных стен, я размышлял о том, как хорошо было бы, если бы городской голова, вместо истребления вековых платанов, приложил свою деятельность к благоустройству улиц.

Выйдя на перекресток торгового ряда и улицы, ведшей к губернаторскому дому, я заметил в темноте необычное оживление. В этот поздний час лавочники возились возле своих лавок, украшая их набивными тканями, вышитыми занавесями или ковриками. Одни подметали дорогу связками колючек, другие подбирали в подолы рубах комочки глины, мелкий щебень и различный мусор. И все они шарили по земле руками, наощупь отыскивая гвозди из подков, оброненные лошадьми и ослами, чтобы эти гвозди случайно не вонзились в покрышки автомашины, на которой утром должен был в'ехать в город новый губернатор.

* * *

На следующий день, когда уже спала жара, ко мне пришел старик из редакции и принес свежий номер «Прогресса Афганистана».

Старик выглядел утомленным. За чашкой чая он об'яснил мне, что сейчас только закончил печатать газету, что этот чрезвычайный номер рассылается подписчикам в премию и чтобы я в пятницу, как всегда, ожидал очередного выпуска газеты.

Первая и вторая страницы чрезвычайного номера «Прогресса Афганистана» были убористо исписаны стихами, славословящими приезд нового губернатора. И все же эта длиннейшая «касида»* не уложилась в отведенном ей месте, и окончание ее было обещано в следующем номере.

Я выбрал из нее лишь небольшой отрывок, который, как мне казалось, с наибольшей ясностью раскрывает поэтический замысел автора, и привожу его, придерживаясь текстуальной точности:

...Пока не снизойдет любовь пророка,
Ни у кого в делах не будет прока.
Для тех, кто любит родину,—нет краше,
Чем пить вино реформ из полной чаши.
Поблекло от стыда небесное светило,
Как будто смыла блеск его вода и мыло.
А стыд его был оттого глубокий,—
Что блеск ярчайший лег на
губернаторские щеки.
Из рощи, что взрастил всеблагостный
плантатор,
Как стройный кипарис, пришел к нам
губернатор.
Невежество изгонит прочь сей друг
прогресса,
Как волка гонит залп из векового леса...

Автором стихов был редактор газеты, о чем свидетельствовала его подпись, сделанная с большим нажимом пера: «Мухаммед Сарвар Бескорыстный».

Вся остальная часть газеты была заполнена подробным описанием церемониала встречи губернатора и представления ему чиновников.

И только в самом конце последней страницы мне едва бросилась в глаза написанная мелким почерком заметка под названием: «Наш совет высокоуважаемому господину городскому голове».

В ней говорилось:

«Всем известна многотрудная деятельность благожелателя населения, господина городского головы. Более двенадцати лет он провел в непрестанных заботах по благоустройству города и все эти годы недосыпал ночей, охраняя благоденствие его населения.

Да покарает всевышний того, кто усомнится в справедливости этих слов, хотя никто из жителей города и не позволит себе такого неприличия, потому что каждый искренне желает господину городскому голове еще многие годы крепко держаться за узду столь почетной должности.

Мы только дерзаем подать один совет,— ничтожный из ничтожнейших,—высокоуважаемому господину городскому голове, чтобы он соизволил понести еще один тяжкий труд на крутой под'ем дороги прогресса и занялся выравниванием городских улиц от выбоин и колдобин.

А еще не мешало бы в наиболее глухих и темных местах установить керосиновые фонари, чтобы по ночам неимущие жители, которые не в состоянии освещать себе дорогу ручными фонарями, не приходили домой с вывихнутыми ногами и не взывали о помощи, принимая в темноте честных и благонамеренных людей за воров и грабителей».

Мне понравилось совпадение мыслей, высказанных в конце этой заметки, с моими собственными, когда я накануне проходил темными переулками, и я решил воспользоваться приглашением Мухаммед Сарвара, чтобы зайти к нему в редакцию и пожать ему руку.

В саду, называемом «Присутственным», потому что сад окружал губернаторский дом, находилось помещение редакции газеты.

Перед входом в редакцию на перилах террасы сидело двое солдат. Они со скучающим видом посасывали жевательный табак.

Один из них при моем приближении взял в руки полуавтоматическое ружье, прислоненное к резной балясине, и, видимо, намеревался преградить мне вход. Он хотел что-то сказать, но ему мешал жевательный табак под языком. Пока он сплевывал его, я вошел в дом.

Единственная комната, застланная камышевыми циновками, служила одновременно помещением для редакции и литографии.

У задней стены знакомый старик и его пожилой помощник, стоя по обе стороны старого и очень изношенного литографского станка, с усилием вертели рукоятки колес. Они вдвигали под пресс литографский камень и выдвигали его, снимая с камня готовые оттиски газеты.

Почти у самого входа на коврике сидел писарь, поджав под себя одну ногу и выставив другую, согнутую в колене. Он держал на колене лист бумаги и что-то старательно выводил на нем.

Редактор стоял посреди комнаты, растерянный и смущенный, перед офицером, сидевшим на стуле, повернутым спиной к редакторскому столу.

Офицер сосредоточенно смотрел перед собой на циновку, будто разглядывал на ней какой-то рисунок.

Редактор, увидев меня, не пошел навстречу. Он только протянул мне свою коротенькую руку. Я крепко пожал ее.

— Так вот,—сказал офицер, не замечая меня и, видимо, продолжая начатый разговор—я, как взглянул с первого раза на губернатора, так и сказал себе: «Это человек серьезный. Да, серьезный. И порядок любит». И еще говорю: «Если тебе, Рахим, жаль выронить изо рта свои зубы, то подходи к губернатору не иначе, как строевым шагом».

— И что же получилось?..—тихо проговорил редактор.

Он, казалось, не слушал его.

— Да что и говорить,—сказал офицер.— Он дисциплину у нас заведет, как в королевской гвардии. Тебе бы надо было это наперед знать. Ведь ты—человек грамотный. И почерк у тебя, как у муллы, и книги разные читал.

— Нет,—в том же раздумье произнес редактор,—тут, верно, произошла подмена имен.

— А разве я не пред'являл тебе приказа?—сказал офицер.—Или ты такой мулла, что можешь читать только по своей книге?

Офицер мусолил в пальцах какую-то бумажку.

— Я могу послать человека предупредить твою жену,—сказал он, помолчав.

Редактор вскинул голову.

— Нет, нет, не нужно. Пусть она не знает, пока...

— Ладно,—согласился офицер.

Он все еще продолжал разглядывать циновку.

— А хочешь, я прикажу потом принести носилки?

— Нет, не нужно,—сказал редактор. — Они не понадобятся.

Офицер перевел взгляд с циновки на редактора и тотчас же снова опустил глаза.

— Не выдержишь, — сказал он.

— Нет, они не понадобятся, — повторил редактор. — Прошлый раз они тоже не понадобились.

— Как хочешь,—сказал офицер.—Только ты обязательно пошли купить простокваши. Это помогает лучше всякой мази.

Он поднялся со стула.

— Ну, пойдем, — сказал он.—Быстрей начнем, до темноты управимся.

— Пойдемте,—сказал редактор и поправил на голове шапку.

Потом обернулся ко мне:

— Я прошу извинить мое негостеприимство, саиб, но у меня неотложное дело.

— Мирза, — обратился затем он к писарю, указывая на два фарфоровых чайника, стоявшие в очаге на тлевших угольках,— предложи чаю гостю. Сахар достанешь из алюминиевой коробки вон на той нише.

Редактор направился было к выходу, но неожиданно вернулся к своему столу. Вытащив из вороха бумаг тростниковое перо, он изломал его на мелкие куски и потом решительно вышел через распахнутые двери.

Двое солдат пошли рядом с ним по бокам.

Офицер пошел сзади.

Предзакатное солнце отбрасывало удлиненные тени. На аллею ложились подчеркнуто-колючие силуэты переплетенных ветвей розовых кустов. И казалось, будто редактор шагал по узкой стезе, устланной шипами, направляясь к воротам губернаторского караула.

Я наклонился к сидевшему на коврике писарю и, развернув газету на последней странице, ткнул пальцем в заметку: «Наш совет высокоуважаемому господину городскому голове».

— За это? —спросил я у него.

Писарь, не поднимая головы, ответил почти шопотом:

— Да, саиб, за это.

Он продолжал каллиграфически выписывать окончание «касиды» по случаю приезда нового губернатора.

* Мусульманское законодательство, основанное на коране.
** Высшее мусульманское духовное лицо.

* Восточная ода панегирического содержания.

Р. КИМ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МАНЬЧЖОУ-ГО

Незадолго до начала тихоокеанской войны на книжные прилавки и стенды Америки хлынул поток книг на японо-китайские темы. Он непрерывно рос в первые месяцы войны.

Большая часть этой литературы представляла собою наспех состряпанные репортажи корреспондентов-туристов. Задачу, порученную им, они выполнили: средний американец заинтересовался проблемой Дальнего Востока. Но знаний у него не прибавилось. Познавательного материала было в этих писаниях почти столько же, сколько в «Чио-Чио-сан» или в «Гейше». Один из наиболее авторитетных знатоков Японии среди американских журналистов, Отто Толишус констатировал, что единственным результатом чтения большинства этих книг было то, что многие американцы поверили, будто «японцы не могут летать, так как в детстве их прибинтовывают к спинам матерей и при этом их головы так болтаются, что они навсегда теряют чувство равновесия».

С недавних пор в Америке снова началась организованная кампания по стимулированию интереса к Дальнему Востоку. Номер журнала «Ньюйоркер», в котором был помещен репортаж Херси «Хиросима», был распродан полностью в течение тридцати минут. Издательство «Дабллдэй-Доран» выдало премию в 20.000 долларов Освальду Уинду за роман из японской жизни. До войны Уинд работал на Дальнем Востоке в качестве резидента английской военной разведки. Усиленно издаются переводы произведений современных китайских писателей — Лин Юй-тана, Лао Ше и других. Пэрл Бак закончила еще один роман из китайской жизни и опубликовала восторженную статью о романе Марион Олив и японца-миссионера Мацумото «Братья-чужеземцы» из японской жизни.

Пропаганда дальневосточной тематики в художественной литературе сопровождается мобилизацией публицистов и специалистов по репортажу. Издан ряд книг Латтимора, Янга, Джозефа Ньюмэна, Харлета, Нандоу и других. Спешно выпускаются монографии лидера корейских реакционеров Ким Ку. Шумно рекламируются сочинения профессора Беффера, автора книг «Как быть с Японией?», «Дилемма, стоящая перед белыми», «Нужно ли воевать в Азии?», «Китай — гибель цивилизации», «Основы мира на Дальнем Востоке». Всё это книги-вариации на одну и ту же тему: только американская демократия может спасти Восточную Азию.

Вслед за корифеями выступают батальоны корреспондентов-туристов. На этот раз они не успокаивают своих читателей рассказами о летчиках с «разболтанными головами», которых, мол, нечего бояться. Теперь они стараются всячески запугать публику рассказами о грозных событиях на западных берегах Тихого океана — о событиях в Китае, Корее и Японии, вступивших после войны в новую фазу истории, фазу борьбы за подлинную демократию.

В советской литературе не может быть подобных книг. Однако интерес к Дальнему Востоку наших читателей велик и пока еще мало удовлетворен.

Вот почему заслуживает внимания только что вышедшая в свет книжка Льва Рубинштейна «На сопках Маньчжурии». В ней рассказывается о том, как осенью 1945 года была разгромлена японская Квантунская армия и ее «империя».

Захватив в 1931 году Маньчжурию, японцы создали так называемый Маньчжоу-ди-го — Маньчжурскую империю. Главой «империи» был назначен бывший всекитайский император Пу И. Его поместили во дворце, в стенах которого были устроены «глазки». Через эти «глазки» за его величеством наблюдали японские надзиратели. «Империя», граничившая с СССР на протяжении 2.800 километров, была превращена в военную базу, площадь которой превышала территорию собственно Англии, Франции, Бенилюкса и Тризонии вместе взятых, — территорию всего «западноевропейского союза» Бевина — Бидо. И повсюду в «империи» были размещены отборные японские дивизии, предназначенные для того, чтобы осуществить лозунг генерала Араки: «Водрузить японский флаг на Урале».

История «Маньчжурской империи»—это история подготовки войны с СССР, история непрестанных провокаций на границах СССР и Внешней Монголии. «Империя» Квантунской армии просуществовала с 1931 года по 1945 год. В августе 1945 года Советский Союз, выполняя союзническое обязательство, вступил в войну на Дальнем Востоке. Советские войска начали операции 9 августа, и к 23 августа кампания в Маньчжурии была закончена. «Империя-плацдарм» просуществовала четырнадцать лет и была разгромлена в течение четырнадцати дней. Ликвидировав власть японских империалистов, Советская Армия спасла сорок три миллиона жителей Маньчжурии от гибели.

Все, о чем рассказывается в книжке Рубинштейна, уже принадлежит истории, но сохраняет актуальное значение.

Читая главу, в которой рассказывается о том, как была захвачена японцами Маньчжурия, мы вспоминаем речь английского министра иностранных дел Саймона в Лиге наций, когда обсуждался доклад комиссии по обследованию «маньчжурского инцидента». Саймон выступил в качестве адвоката Японии. Мы вспоминаем заявление Херста после оккупации Маньчжурии: «Было бы вполне в порядке вещей, если Япония, как стабилизующая сила, руководила бы Китаем». А когда японские войска вторглись в Северный Китай и подошли к южным границам Внешней Монголии, американская пресса, начиная с «Нью-Йорк таймс», стала говорить о том, что этой агрессии можно не мешать, ибо она направлена против Советского Союза. А вскоре в Токио прибыли с визитом вежливости вице-президент Америки Гарднер и военный министр Дэрн. В течение ряда лет Америка, Англия и Франция проводили политику «дальневосточного Мюнхена», натравливая Японию на СССР.

Актуально звучит глава, в которой говорится о том, как орудовали два концерна «Мансю дзюкогё» и «Мантецу»—подлинные хозяева Маньчжурии. Японские генералы играли роль доверенных лиц японского Уолл-стрита, т. е. ту роль, которую сейчас в Америке играют так называемые «золотые фуражки».

Появление книжки Л. Рубинштейна следует признать весьма своевременным. Эта книга предназначена для школьных библиотек. На ее титульном листе значится: «Записки военного корреспондента». Может быть, этим и об'ясняется ее немного суховатый тон в отдельных местах. Но в целом это— интересная, содержательная книга, ценная своим познавательным материалом. Хорошо подобраны фотоиллюстрации, они оживляют и дополняют текст.

Взрослым, для которых не издается почти никаких книг о странах Дальнего Востока, остается только завидовать детям. Однако мы знаем, что хороши именно те детские книги, которые могут быть прочитаны с пользой и взрослыми. Книжка Льва Рубинштейна принадлежит к их числу.

Но дальневосточная тема попрежнему настоятельно требует новых и новых книг.

Лев Рубинштейн. «На сопках Маньчжурии». Детгиз, 1948, 84 стр.

РАБЫ

В. ЕРМИЛОВ

Неизвестно, чему именно улыбались во мгле прошедших веков своей загадочной улыбкой сфинксы. Но зато понятно, чему они улыбаются в наши дни. Говорят, их улыбка перешла даже в дружный хохот, которому гулко вторили пирамиды и фараоны. Так расшевелил всю эту, в общем, довольно неподвижную компанию египетский журналист, некто Мохаммед-эль-Табей. Своей статьей, напечатанной 28 февраля текущего года в журнале «Ахбар-эль-Яум», он наглядно доказал, что и в Египте умеют соврать, в угоду английским и американским хозяевам, с такой лихостью, что вранье становится уже поистине пирамидальным.

Бодрого Мохаммеда-эль-Табея мало тревожит положение вещей на его родине. Его не волнует колониальное рабство Египта, продолжающаяся оккупация страны, хозяйничанье английских и американских господ, полное отсутствие какой бы то ни было политической свободы. Ко всему этому он остается глух и равнодушен, как мумия. Что ему родные пальмы? Его больше интересуют экзотические сосны, его взгляд устремлен на далекий север. Нет для него более волнующего и актуального вопроса, чем вопрос о «свободе мысли в России». Так называется его статья. Лихой Мохаммед-эль-Табей, оказывается, обладает такими потрясающими сведениями о событиях в нашей стране, что все крокодилы мировой желтой прессы могут почернеть от зависти. Дух замирает, когда мы узнаем от каирского ясновидца о том, что делается у нас в советской литературе.

Оказывается, у нас, в Союзе советских писателей, происходит не более и не менее, как чистка, «жертвой которой пали некоторые литераторы». Вот и имена этих жертв: Константин Симонов, Александр Фадеев, Илья Эренбург, Константин Федин и Александр Макаров.

Все эти лица, как сообщает египетская жрица свободной мысли, «вычищены» из числа советских литераторов. И какая же горькая судьба их постигла. О, Озирис, о, бык в Мемфисе! Какая грустная судьба!

Выясняется, что «литературная и художественная карьера этих журналистов и писателей кончена».

Но это было бы еще с полбеды. Нет, баран в Мендесе! Дело обстоит гораздо хуже.

«Они счастливо отделаются, если власти удовольствуются только этим наказанием и не заточат их в тюрьмы или не сошлют в Сибирь. Во всяком случае, им уже больше никогда не будет разрешено писать или публиковать свои произведения, другими словами, зарабатывать себе на жизнь пером».

Любопытно, кстати сказать, как в этой фразе попутно выразилась вся натура желтого журналиста, одинаковая повсюду, независимо от нации, страны и валюты: самое важное и существенное для него в литературном труде — это «зарабатывать себе на жизнь пером». Маленькое перышко каирской желтой птички продано и куплено, — она трудолюбиво «зарабатывает себе на жизнь» свой корм...

Выложив свои сообщения, египетский публицист переходит на назидательный тон:

«Вот какова свобода печати и мысли» в Советском Союзе!

Мохаммед-эль-Табей подбоченивается:

«Я бросаю вызов московской радиостанции, чтобы она опровергла это сообщение. Если же она не может этого сделать, то пусть она нам скажет, где сейчас находятся эти писатели».

Да, припер к стенке Мохаммед-эль-Табей бедную московскую радиостанцию! Что она теперь будет делать? Перед нею встает ряд трудных, прямо-таки неразрешимых вопросов.

А. Фадеев является руководителем Союза советских писателей, его генеральным секретарем. Как же это совместить с сообщением хорошо информированного Мохаммеда-эль-Табея? К. Симонов — заместитель генерального секретаря Союза писателей, редактирует журнал «Новый мир», заканчивает новую пьесу. Что же теперь ответить грозному и ехидному Мохаммеду-эль-Табею? Ведь эти факты не удовлетворят его. Он неумолим. И. Эренбург недавно был награжден Сталинской премией за свой роман «Буря». К. Федин печатает свой роман «Необыкновенное лето» в журнале «Новый мир». Но ведь эти писатели, — информирует Мохаммед-эль-Табей, — лишены возможности опубликовывать свои произведения! Положение московской радиостанции дьявольски-безвыходное. Мохаммед-эль-Табей беспощаден. Не менее безвыходное положение и у «Литературной газеты», членом редакционной коллегии которой является критик А. Макаров, нередко выступающий на страницах газеты со статьями. Вот тут и выкручивайся!

Конечно, Мохаммед-эль-Табей всего-навсего один из шутов реакционной прессы. Раб, целующий руку своего господина, выученик английских и американских боссов, он своим холопским умишком просто не способен понять, что такое критика и самокритика в подлинно демократической стране. Он слышал, что в советской печати критиковались произведения тех или других авторов. Он знает, что в странах буржуазной демократии вслед за «критикой» идут такие вещи, как приглашение в «комиссию по расследованию антиамериканской деятельности» или в другое полицейское учреждение, после чего применяются различные меры репрессий, — от невозможности публиковать произведения до тюрьмы или высылки. По аналогии с этими «тоталитарно-демократическими» нравами он судит и о нашей стране. Что с него возьмешь? И не стоило бы о нем говорить, если бы такие, как он, не были типичны для всей современной реакционной мировой печати.

* * *

В самом деле, ведь незатейливый Мохаммед-эль-Табей просто-напросто позаимствовал свои сообщения, внеся некоторые вариации, у австрийской правой социал-демократической газеты «Арбейтер-цейтунг». Рабы остаются рабами и в Каире и в Вене.

«Арбейтер-цейтунг» 1 февраля напечатала передовую статью под названием «Дух и насилие». Статья любопытна не только своими сообщениями о событиях в советской литературе, — сообщениями, которые так вдохновили и обогатили египетского труженика пера. Передовая «Арбейтер-цейтунг» любопытна и в целом.

Статья призывает австрийцев к кротости и смирению, к отказу от какой бы то ни было борьбы, к «ненасилию» в духе Ганди. Он, Ганди, — пишет орган правых социал-демократов, — «побеждающая кротость, святой целого народа, прял, молился и постился... и победил мировую державу». Рабы из «Арбейтер-цейтунг», конечно, умалчивают о продолжающемся хозяйничаньи мировых держав в Индии и других колониальных странах. Подготовляя для Австрии судьбу американской колонии, правые социалисты из «Арбейтер-цейтунг» учат австрийский народ «сидеть, прясть, молиться и поститься» и вообще итти путем «побеждающей кротости». Надо сказать, что призыв к австрийцам «поститься» излишен: в американской зоне оккупации они и без того постятся на американском пайке. Конечно, при этом они могут сидеть, прясть и молиться. Видимо, шеф-редактор «Арбейтер-цейтунг» Оскар Поллак хочет прослыть «святым» австрийского народа. Однако напрасно он проводит аналогию между своей персоной и Ганди.

Главный редактор «Арбейтер-цейтунг» Оскар Поллак известен, главным образом, тем, что во время войны выпустил книгу, предусмотрительно написанную им на английском языке (вот до чего ученый раб!), в которой положительно отзывался о Гитлере. Так сказать, посылал ему правый социал-демократический привет.

Кротости и смирению передовая статья «Арбейтер-цейтунг» неодобрительно противопоставляет беспокойных советских людей, которые не желают ни в чем быть пассивными и, дескать, грубо навязывают свои идеи. В качестве иллюстрации такого «насилия» газета и приводит пример критики некоторых литературных произведений в советской печати.

«Арбейтер-цейтунг» не может понять, как это могло случиться, что роману А. Фадеева «Молодая гвардия» была присуждена Сталинская премия, и этот же самый роман критиковался в печати. Где же Оскару Поллаку и его коллегам понять, что в советской стране критика и печать являются поистине демократическими, что любой рядовой советский гражданин имеет право и возможность критиковать авторитетных руководителей любых отраслей государственной и общественной жизни, в том числе и виднейших деятелей советской культуры. Где же понять такому глубоко демократическому редактору, как Оскар Поллак, что критика в нашей стране не влечет за собою таких административно-репрессивных последствий, как, скажем, известная чистка Голливуда от прогрессивных деятелей. В Союзе советских писателей не бывает никаких чисток. Здесь свободно обсуждают и критикуют любые произведения, подобно тому, как советская пресса в статьях, посвященных произведениям лауреатов, отмечает не только высокие достоинства этих выдающихся произведений, но и те или другие их погрешности и недостатки.

Традиции и навыки подлинно демократической печати и критики непонятны Поллакам. Поэтому по поводу критики романа «Молодая гвардия» их газета малюет фантастическую картину, изображающую, как в результате этой критики А. Фадеев, мол, лишился почета и уважения, потерял друзей и стал одинок. Кстати сказать, о степени понимания газетой «Арбейтер-цейтунг» сущности той критики, которой был подвергнут роман А. Фадеева, можно судить по такому штриху. Газета с серьезным видом сообщает, что «Молодую гвардию» критиковали за то, что она написана... «под западным влиянием». Вот уж попали в точку!

Невдомек проданной и купленной газете, что друзья советского писателя—миллионы советских читателей. К голосу этих своих друзей советские писатели внимательно прислушиваются, стремясь улучшить свои произведения, еще глубже, полнее, правдивее раскрыть в своих образах сущность, главные черты советской действительности. Наши писатели живут и работают для народа, а не для боссов с долларами. Для советского писателя литературный труд — святое дело служения правде и свободе, борьба за счастье и достоинство миллионов простых людей. А для Поллаков и прочих Мохаммедов литературный труд— только «зарабатыванье на жизнь». Но какая же жалкая жизнь у этих рабов, газетно-журнальных клоунов, купленных смешных лжецов!

БЫТ И НРАВЫ БУРЖУАЗНОЙ ПРЕССЫ

„Империя“ газетного штампа

Джон Холидей Перри — фигура не известная не только миру, но и американскому народу. И, тем не менее, он является одним из самых могущественных хозяев прессы в США. Достаточно сказать, что в настоящее время он владеет 26 газетами и контролирует 6 радиостанций. Он монополизировал все виды обслуживания прессы, начиная от поставки информации для газет и кончая продажей им бумаги и типографского оборудования.

Перри — владелец синдиката «Уестерн ньюспейпер юнион» («Союз газет Запада»), который поставляет материал большинству из девяти с лишним тысяч американских еженедельных газет. Фактически он сам делает те шесть тысяч газет, которые снабжает до последней степени стандартизированной штампованной информацией, ибо информация Перри сходит с конвейера уже отредактированной, набранной и даже матрицированной.

Более того, Перри продает местным редакторам заранее напечатанные полуготовые газеты, причем четыре страницы целиком занимает в них материал синдиката. 2.400 газетных издателей покупают эту готовую газету, в которой все от первой и до последней строчки изготовлено по одному и тому же готовому стандарту, с соблюдением одних и тех же политических рецептов. Масса мелких провинциальных владельцев газет находится в долговой кабале у Перри, но Перри считает такое положение вполне нормальным. Ибо, как он однажды весьма откровенно заявил: «Мы ответственны за свободу прессы в Америке более, чем кто-либо другой в нашей стране». «Мы» — это короли газетных синдикатов и собственники монополий по отравлению общественного мнения.

Штаб-квартира Перри находится в Чикаго. Здесь штат его работников заранее и оптом готовит весь материал — от политических сенсаций до тривиальных советов покинутым любовникам и лицемерно-ханжеских проповедей. Из Чикаго через 35 бюро в различных городах Америки готовый стандартный материал поступает в шесть тысяч газет, похожих друг на друга, как сиамские близнецы. Один и тот же шрифт, одни и те же кричащие сенсации, один и тот же дешевый юмор в 1.404 газетах под названием «Ньюс», в 654 газетах, именуемых «Геральд», в 450 — «Джорнэл», в 238 — «Демократ», в 198 — «Рипабликен» и т. д.

Основным источником дохода американских газет является, как известно, реклама. По средним данным за три года, доходы американских газет складываются на 70 процентов от рекламы и на 30 процентов от реализации тиража и других источников. Это показывает, как сильно зависит газета от рекламы, которая является одним из главнейших рычагов влияния монополистического капитала на прессу.

Разумеется, Перри полностью учитывает и это обстоятельство. В его руках находится «Ассоциация американской печати» («Америкэн пресс ассошиейшн»); через ее посредство он заключает с рекламодателями соглашения на помещение об'явлений в «обслуживаемых» им газетах. Таким образом, в его руках находится еще один дополнительный рычаг влияния (точнее говоря — давления) на печать.

Недавно во время происходившей в Женеве международной конференции по вопросам печати и информации член американской делегации Мартин совершил агитационную поездку в Висбаден (Германия), где сделал доклад о «прелестях свободной печати» в Америке.

«Я утверждаю, — сказал он, — что в заявлениях о том, что свобода печати в Америке — только привилегия монополистических капиталистов, нет ни слова правды...»

Самое существование Перри и вся его свободная, ничем не ограниченная деятельность в США являются наглядным и постине неопровержимым доказательством всей лживости подобного рода утверждений, в которых Мартин, впрочем, отнюдь не оригинален.

Г. ВИКТОРОВА

ОТ'ЕЗД ИЗ МОСКВЫ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

Вчера, после двадцатипятидневного пребывания в Советском Союзе, из Москвы в Германию выехала группа немецких писателей и деятелей культуры. На Внуковском аэродроме гостей провожали представители Союза советских писателей СССР, Всесоюзного общества культурной связи с заграницей

За мир и демократию!

Об американских мастерах культуры, подписавших ответ советским писателям

В предыдущем номере «Литературной газеты» был опубликован ответ американских мастеров культуры на открытое письмо советских писателей — «С кем вы, американские мастера культуры?» Это ответное письмо — «За мир и демократию!» — подписали 32 человека — писатели, журналисты, художники, композиторы, деятели науки Соединенных Штатов Америки.

Имя **Говарда Фаста**, автора исторического романа «Последняя граница», переведенного недавно на русский язык, хорошо известно советскому читателю. В последнем романе «Кларктон» Фаст показывает борьбу рабочих за свои права в одном из небольших фабричных городов Америки. Прогрессивная деятельность Фаста дала повод пресловутой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности приговорить его к трехмесячному тюремному заключению и штрафу в 500 долларов.

Драматург **Арно Д'юссо** также широко известен в СССР; он один из авторов пьесы «Глубокие корни», рисующей чудовищное положение негров в Южных Штатах Америки.

Поэт и публицист **Айсидор Шнейдер** — переводчик стихов Маяковского на английский язык; он много сделал для пропаганды советской культуры в США. Писатель-негр **Ллойд Браун** — участник второй мировой войны. Сейчас он работает над книгой рассказов об участии негров в войне и их бесправном положении в современной Америке. Писатель и киносценарист **Элва Бесси** был политическим комиссаром «бригады Линкольна», сражавшейся в Испании. В числе других передовых творческих работников Голливуда он привлекается к судебной ответственности по решению комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Ответ советским писателям подписали также писатели **Бен Филд** и **Барбара Гайлс**, прогрессивные американские журналисты **А. Б. Мэджилл, В. Джером, Ричард Бойэр, Джозеф Норт** (участник боев за свободу Испании), **Аллен Джеймс, Б. А. Боткин, Робэрт Гуэтми**, крупные литературные критики **Сэмюэль Силлен** и **Чарльз Хамболдт**, последние статьи которого посвящены упадку современного американского романа, литературовед и искусствовед **Сидней Финкелстейн**.

Среди деятелей науки, подписавших это письмо, мы встречаем имена **Доксп Уилкерсона** и доктора философии **Говарда Сельсама**. Делая доклад в Джефферсоновской школе социальных наук на тему «Марксизм и американская философия», Говард Сельсам заявил, что господствующие в Америке философские направления — прагматизм и позитивизм — являются отражением идеологии загнивающего империализма.

Художник **Рафаэль Сойер** — один из тех американцев, кто в прошлом году требовал от Генеральной ассамблеи Организации Об'единенных наций принятия резолюции о разрыве дипломатических и экономических отношений с франкистской Испанией. Два других художника, подписавших ответное письмо советским писателям, — **Филип Эвергуд** и **Макс Вебер** (его работы выставлены в крупнейших музеях США) присоединились к петиции американских художников и критиков, возражавших против удаления фрески с изображением Рузвельта со стены здания почты в Сан-Франциско.

Композитор **Марк Блицштейн** в 1942 году провел серию радиопередач «Россия поет». Он был в числе 84 видных американских деятелей, отправивших телеграммы Трумэну и руководителям политических партий Италии с протестом против вмешательства США в итальянские выборы. **Уолтер Бернштейн** — музыкант, член национального комитета для создания третьей партии США. Известная пианистка **Рей Лев** гастролировала во многих странах Европы.

Представители передовой американской интеллигенции, поднявшие голос в защиту мира и демократии, да и все прогрессивные мастера культуры США — не одиноки. Их поддерживают миллионы простых людей Америки.

С. Я. Алымов

Советская литература понесла большую утрату. Безвременно скончался известный поэт-песенник Сергей Яковлевич Алымов. Стихи и песни Сергея Алымова заслужили признание и любовь советского народа. Его перу принадлежит одна из самых популярных и любимых нашим народом песен «По долинам и по взгорьям».

Велико число живущих в народе песен С. Алымова — «Вася-Василек», «Самовары-самопалы», «Бейте с неба, самолеты», «Думка», «Пути-дороги», недавно написанная «Песня о России».

В годы Великой Отечественной войны, уже пожилым человеком, С. Я. Алымов добровольно пошел в ряды Советской Армии и участвовал в героической обороне Севастополя. На Черном море, на Балтике, в полярных водах Баренцова моря советские моряки видели своего боевого поэта.

Советское правительство оценило поэтическую деятельность С. Я. Алымова. Он был награжден орденом «Красная Звезда», орденом «Знак Почета», медалями «За оборону Севастополя», «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Человек редкой душевной чистоты и доброты, прямого и благородного характера, Сергей Алымов навсегда сохранится в памяти всех людей, знавших его. А в народной памяти светлый образ поэта будет неразрывно связан с его песнями.

А. Фадеев, С. Шатилов, К. Симонов, Вс. Вишневский, Б. Горбатов, Л. Леонов, Н. Тихонов, А. Корнейчук, В. Катаев, К. Федин, Н. Асеев, А. Софронов, П. Антокольский, В. Инбер, С. Щипачев, В. Лебедев-Кумач, М. Исаковский, Л. Ошанин, С. Васильев, А. Жаров, А. Твардовский, М. Голодный, Е. Долматовский, А. Коваленков, И. Фомиченко, И. Гришаев, А. Муравьев, В. Рудницкий, Н. Ковтун, В. Максимов, П. Чувиков, А. Алымов, Л. Ленч, С. Островой, И. Дунаевский, А. Новиков, А. Тищенко, Б. Мокроусов, Б. Александров, В. Захаров, М. Блантер, В. Соловьев-Седой, А. Фатьянов, С. Михалков, Б. Шехтер, В. Макаров, Д. Шостакович, Т. Хренников, М. Коваль, И. Козловский, С. Лемешев, Д. Демьянов, А. Игнатьев, Н. Погодин, Я. Смеляков, П. Воронько, Я. Шведов, К. Листов, Г. Хесин, П. Шубин.

Юрий ЖУКОВ

ГАЗЕТНЫЕ ШАКАЛЫ

«В энциклопедии говорится, что вампир — это «демон, разрывающий могилы и питающийся трупами». По мнению президента Рузвельта, этими словами точно определяется роль, которую играли во время войны двое моих коллег и я... Когда его раздражало наше присутствие, он прибавлял: «стервятники»...

(Из книги корреспондента агентства Юнайтед пресс при Белом доме Мерримена Смита «Благодарю вас, мистер президент»).

Мне не довелось повстречаться с человеком, написавшим эту, с известной точки зрения небезынтересную исповедь трупоеда, как он сам себя не без лихости именует. Однако в бытность в Нью-Йорке я наблюдал деятельность множества его коллег и могу засвидетельствовать, что почти к каждому из них кличка стервятника, которую столь охотно приемлет мистер Мерримен Смит, подходит как нельзя более удачно.

От своих собратьев Смит, быть может, отличается лишь большей степенью бесчестности и бессовестности — сообразно своему рангу. Ведь он — не мелкая сошка, не простой репортер, а «тень президента»: лишь троим журналистам в США — корреспондентам агентств Ассошиэйтед пресс, Юнайтед пресс и Интернэшнл ньюс сервис — разрешено неотлучно находиться при особе президента, и Меррimен Смит— один из этих трех. Тем любопытнее развязные признания этого человека, преданные им гласности не только ради саморекламы, но и ради определенных политических расчетов.

Мистер Мерримен Смит имеет честь представить нам внутренний закулисный мир репортерской аристократии Соединенных Штатов. Попутно он изо всех сил старается предать возможно более мерзкому и пакостному поруганию память президента Рузвельта и, елико возможно, возвеличить его преемника в Белом доме, щедротами которого живы он и его коллеги...

Мистер Смит отблагодарил Рузвельта

«Благодарю Вас, мистер президент», — так озаглавил Меррimен Смит свою книгу. Эта фраза представляет собою традиционный возглас старшего корреспондента при Белом доме, означающий, что пресс-конференция закончена; после этого сигнала репортеры, как сумасшедшие, срываются со своих мест и, сломя голову, несутся к телефонным аппаратам, сметая все на пути. Что касается этих пресс-конференций, то Смит откровенно признает, что они обладают всеми признаками «травли медведя и допроса с пристрастием». Как же Смит отблагодарил в своей книге покойного президента, который на протяжении ряда лет до войны и во время войны являлся «медведем для травли» и об'ектом для «допросов с пристрастием» со стороны Смита и его коллег?

Читая книгу Смита, можно подумать, что он пуще всего боится, как бы его не сочли «попутчиком» Рузвельта и не попросили на этом основании выйти вон из Белого дома. И он считает своим долгом чернить Рузвельта и восхвалять его преемника буквально на каждой странице. Смит благоразумно не входит в область вопросов, относящихся к политике, — он чувствует, что в этой области его сравнения могут обратиться в бумеранг, который ударит по нему самому. Тем охотнее он предается обывательскому злопыхательству.

«Когда мистер Рузвельт совершал большое плавание на военном корабле, то... специально устанавливались лифты, — сплетничает Смит. — Фактически он был безнадежным инвалидом... Для мистера Трумэна не требуется специального оборудования, и пребывание его на борту корабля приносит морскому министерству меньше хлопот».

«В военное время охрана мистера Рузвельта была такой же тщательной, как охрана Гитлера... Что же касается Трумэна, то он с трудом привык к постоянному присутствию молодого человека с револьвером, выпячивающимся из бокового кармана».

Все эти сплетни требуются Смиту для того, чтобы подвести читателя к тому моменту, «когда мистер Трумэн сел за широкий письменный стол в круглом кабинете с зелеными стенами».

Мистер Смит работает

С особым восторгом мистер Смит живописует свою деятельность «вампира» и «стервятника». Здесь он полностью в своей стихии.

На пресс-конференции, на которой Рузвельт сообщил корреспондентам, что он в четвертый раз выставит свою кандидатуру на пост президента, присутствовал представитель управления гражданской авиации, ведавший вопросами информации, — калека, передвигавшийся с помощью двух палок. И вот что произошло:

«Президент окончил чтение. «Вы получили свою информацию, теперь ступайте», — проворчал он. — «Благодарю Вас, мистер президент!» — выкрикнул я, одновременно поворачиваясь и устремляясь к выходу... Поскольку я был первым в ряду, я, наклонив голову, ринулся к двери, пробивая себе дорогу... Возникла свалка... Наконец, я протаранил себе путь, открыл дверь и бросился бежать. На пути от кабинета президента до комнаты прессы нужно делать большой поворот в приемной, огибая огромный круглый стол красного дерева... Я молил бога о том, чтобы не поскользнуться... Мне это еле-еле удалось, и я влетел прямо в свою телефонную кабину... Кончив диктовать, мы собрались... Тут в комнату прессы вошел начальник приемной президента Уилл Симмонс и сообщил нам, что центробежная сила нашего отбытия из кабинета президента захватила бедного представителя управления гражданской авиации и завертела его, как сильный ветер целлулоидную мельницу. Когда его закрутило, он ухватился за свои палки. После того как через него пронеслась третья волна, он, будучи не в силах более сопротивляться, свалился на пол. Когда толпа рассеялась, у мистера Рузвельта вылезли глаза от удивления: прямо на полу перед его письменным столом лежало распростертое тело, походившее в точности на труп»...

Действуя подобными гангстерскими методами, Смит и его коллеги верой и правдой служат своим хозяевам. Они чудовищно искажают факты и лгут, не задумываясь. В этом неоднократно уличал их Рузвельт. Смит не может умолчать об этом. Он признается, что репортеры испытывали «страх перед Рузвельтом».

Рузвельт часто разоблачал на пресс-конференциях лжецов и клеветников. Естественно, что многие репортеры его ненавидели. Смит рассказывает, как он и его коллеги ждали смерти президента. С глубоким отвращением читаешь его развязные разглагольствования о том, как «корреспонденты Белого дома мысленно снова и снова репетировали, что они будут делать, когда «это» случится... Что если пьяный шофер врежется в машину президента? Сердечный припадок? Отравление пищей? Падение?»...

Мистер Смит развлекается

Облик растленного американского репортера не был бы полон, если бы Смит не рассказал откровенно о том, как он и его коллеги проводят свой досуг. До чего же убог и нищ духовный мир этих людей! Как циничны и глупы их забавы!

Вот рассказ о корреспонденте, который, узнав, что его спутник по поездке имеет только одну пару ботинок, пробрался ночью к нему в купе, стащил эти единственные ботинки и выбросил их вон; тому пришлось ходить в ночных туфлях. Вот рассказ о другом корреспонденте, которому налили клей в ботинки. Вот рассказ о третьем, который, придя к себе в номер, обнаружил все предметы своего туалета — бритву, щетку, гребешок, зубную щетку — в раковине ванной комнаты; они застыли в крепком желатине, и их невозможно было отмыть. Вот рассказ о четвертом корреспонденте, которому в кровать положили десяток живых лягушек.

Так выглядит быт аккредитованных при Белом доме избранных американских журналистов в описании одного из них...

Мистер Смит сделал бизнес на смерти президента

Но если говорить о кульминационном пункте откровений вашингтонского трупоеда Смита, то, конечно, следует воздать должное той главе, в которой он с восхищением повествует о том, как сбылась, наконец, его давняя мечта — передать в свое агентство «молнию» о смерти президента Рузвельта. «Я видел, как он начал умирать», — хвастливо пишет Смит.

12 апреля 1945 года всех трех «вампиров» — Смита и его двух коллег и соперников Оливера и Никсона—вызвали в коттедж одного из секретарей президента—Хэссета. Там они увидели плачущих сотрудниц. И вот...

«Когда я увидел опухшие от слез глаза Грейс Тюлли, — пишет, захлебываясь, Смит, — я понял, что она плачет не об окончании войны. Я вспомнил, что в коттедже Хэссета четыре телефона. И один из них был примерно в двух футах от меня... Хэссет откашлялся и начал перебирать какие-то бумажки... Я схватил трубку телефона. — «Джентльмены, — сказал он, — мне выпала печальная обязанность известить вас, что президент...» — «Номер?» — спросила телефонистка в трубку. — «Срочно Вашингтон», — сказал я вполголоса. Хэссет продолжал: — «Президент скончался сегодня в три часа тридцать пять минут». До меня донесся самый приятный голос, какой я когда-либо слышал в жизни, — голос Ромильды Фленеген, нашей телефонистки в Вашингтоне.— «Юнайтед пресс», — прощебетала она.— «Молния!» — рявкнул я в телефон. Я слышал, как застонали Оливер и Никсон, потому что я захватил телефон... «Рузвельт скончался в 3 часа 35 минут в Уорм-Спрингс!» — быстро пробормотал я»...

В этих строчках — весь Меррimен Смит со всем его цинизмом. Трудно было бы дать более яркий образ растленного буржуазного журналиста, чем сделал это он сам, ликуя по поводу удавшегося бизнеса на смерти великого президента.

«Демон, разрывающий могилы и питающийся трупами»... Нет, пожалуй, слишком много чести в этом эпитете для Смита и его партнеров. Какие они демоны? Шакалы, мерзкие, грязные и жадные шакалы, лакомые до трупов, — вот их истинное имя.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01727.